JOYRIDE
СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ
С ВЕТЕРКОМ
ПО МОТИВАМ СЕРИАЛА
Джон Пассарелла

Джон Пассарелла
Сверхъестественное. С ветерком
Серия «Сверхъестественное»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66891308
Сверхъестественное. С ветерком : роман / Джон Пассарелла ; пер. с англ. Е. Цирюльниковой.: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-137426-6

Аннотация

Сэм и Дин Винчестеры всю жизнь проводят в дороге, охотясь на сверхъестественных чудовищ. За долгие годы братья пережили десятки кровавых приключений. Им приходилось иметь дело с самыми разными существами: от желтоглазого демона, убившего их мать, до вампиров, призраков, оборотней, падших ангелов и божеств. Путешествуя по Америке и борясь с нечистью, они обретают союзников – как среди людей, так и среди обитателей потустороннего мира. Но каждая устраняемая ими угроза открывает новую дверь для сил зла…

Наступает полночь, и бодрствующие жители маленького городка внезапно теряют сознание. Некоторое время спустя многие из них начинают странно себя вести. Полиция не справляется с потоком жалоб на голых бегунов, мелкий

вандализм, драки… Удивительнее всего то, что правонарушители прежде ни в чем подобном замечены не были, И, придя в себя после приступа агрессии или неадекватного поведения, они ничего не помнят о том, что вытворяли.

Сэм и Дин едва ли не случайно берутся расследовать это дело, но вскоре понимают, что в тихом Мойере все не так просто, и в истории этого города немало жутких страниц.

Содержание

Таймлайн 6
Глава 1 7
Глава 2 23
Глава 3 34
Глава 4 48
Глава 5 61
Глава 6 72
Глава 7 86
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Джон Пассарелла
Сверхъестественное. С ветерком

Посвящается моей матери, Билли Мэй Пассарелле. Спасибо за то, что сделала большой дом родным, за поддержку и за то, что научила справляться с трудностями.

John Passarella
SUPERNATURAL
Joyride

© Е. Цирюльникова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Таймлайн

Действие романа происходит во время 12-го сезона, между сериями «Будущее» и «Прутики-веревочки и Таша Бейнс»

Глава 1

Твердо решив потерять килограммов десять за две недели и влезть-таки в костюм, купленный на свадьбу двоюродной сестры, Джереми Мертен вычистил дом и выкинул всю вредную еду из холодильника, морозильной камеры и буфета. Без колебаний. Никаких излишеств. Так он думал. И продержался целых два дня, а потом аппетит настойчиво заявил о себе. На вторую ночь Джереми приснился остров, где росли цветы с лепестками из чипсов и лианы из соленой соломки, реки мороженого струились между кустами из печенья с шоколадной крошкой. Слой начос окружал бурлящие горячие источники тягучего сыра чеддер. На другом конце острова высилась роща пончиковых деревьев.

Джереми решил, что начал слишком круто. Нужен какой-то перекус, чтобы быстро открыть и съесть, если приспичит. Знание, что в доме есть нечто подобное, помешает демонам нездорового питания наводнять его сны видениями запретных калорий. Джереми посмотрел вечерние новости, прогноз погоды и результаты спортивных матчей, рассеянно покусывая ноготь большого пальца, и решил съездить в магазинчик на заправке и купить чего-нибудь – чипсов, немного вяленого мяса… И все. Стратегический запас.

Он взял ключи и сел в машину, чтобы прокатиться туда-обратно. На этот раз никаких излишеств. Небольшая пачка чипсов и вяленое мясо. И все. Джереми кивнул, гордясь своей выдержкой. Но через несколько минут нахмурился. Чипсы и мясо – соленая составляющая фастфудного уравнения. Наверное, нужно прихватить и сладкое. Например, упаковку мини-пончиков с сахарной пудрой. Отличная идея, решил он: сладкие и на один укус. Тем меньше вероятность увлечься. И полкило (не килограмм!) мороженого – старого доброго ванильного мороженого. И все, больше ничего не нужно.

В такой поздний час машин на внутриштатном шоссе было немного. Обычно в это время Джереми уже ложился спать. Он зевнул при мысли о расстоянии, разделяющем его голову и любимую гипоаллергенную подушку. Впереди вспыхнули, быстро приближаясь, фары грузовика.

– И упаковку жвачки, – сказал Джереми вслух, чтобы не

задремать. – Только без сахара. Чур не жульничать.

Жвачка пригодится, если нужно чем-то занять рот.

Он посмотрел на часы на приборной панели: без одной минуты полночь.

«Новый день почти наступил», – подумал он.

И произнес:

– Новый день, новая жизнь.

Разумеется, ничего из купленного он есть не будет, уберет все в буфет, а мороженое – в холодильник, но само присутствие этой еды позволит ему продержаться еще полторы недели.

Позади кто-то гудел – все громче и громче. Глянув в зеркало заднего вида, Джереми заметил свет одинокой фары, которая приближалась со скоростью, едва ли не вдвое превышающей разрешенную. Мотоциклист. Вечно эти байкеры куда-то торопятся. Не успела эта мысль промелькнуть у него в голове, как произошли сразу два события. Мотоциклист выехал на соседнюю полосу, чтобы обойти его слева, а часы сообщили о наступлении полуночи.

Поле зрения схлопнулось, поглощенное тенями, метнувшимися с краев, уничтожившими свет и сознание. Короткий, полный паники миг Джереми боролся с подступающим обмороком. Прежде чем темнота поглотила его, он понял, что выехал на середину дороги – или это приближающийся тягач выскочил на его полосу, – и почувствовал мощный удар, когда мотоцикл врезался в него сзади. Его будто трях-

нула гигантская рука. Стив Свауджер был уже без сознания, когда его байк въехал в задний бампер городского внедорожника Джереми Мертена. Стив вылетел из седла навстречу приближающейся фуре, мотоцикл упал и закрутился на боку, осыпая дорогу фейерверком искр.

Лоретта Папенфусс потеряла сознание за рулем, не увидела, как Свауджер упал на асфальт и покатился по дороге, и половина из восемнадцати колес ее фуры переехали его безжизненное тело. Бастер, ее давний попутчик, истеричная французская болонка, проснулся в переноске за сиденьем и тревожно залаял. Лоретта оставалась без сознания, когда ее фура врезалась в автомобиль Джереми, со скрежетом протащила его вперед и отбросила в сторону. Бастер несколько раз упал, но продолжал заливаться отчаянным лаем, фура слетела с дороги, прогромыхала по заросшей травой насыпи, пробила белый штакетник и оставила громадную дыру в стене белого двухэтажного дома, пройдя всего в нескольких сантиметрах от кровати, на которой пожилые супруги благополучно проспали все происшествие.

Обломки сыпались на искореженную кабину и разбитое ветровое стекло, тревожный лай Бастера становились все тише – он как будто догадался, что никому, в том числе и его хозяйке, нет до него никакого дела. Слушая знакомое урчание двигателя, пес улегся в своем мягком домике, опустил мордочку на лапы и тихо заскулил.

* * *

В нескольких километрах оттуда и несколькими минутами раньше ночной клуб «Круговерть» бросал вызов ночной тишине светящимися неоновыми вывесками, грохочущими басами, мигающими стробоскопами и разноцветными вращающимися прожекторами. Танцоры кружили, подобно водовороту. Посетители, сидевшие у длинной изогнутой стойки из стекла и хромированной стали, пытались разговаривать, но для этого им приходилось наклоняться друг к другу и кричать. Бармены сновали вдоль стойки, принимая заказы. Наступила полночь, один день сменился другим.

И вдруг бармены, и все, кто сидел у стойки, и все, кто танцевал, разом упали. Бокалы с коктейлями и пивные бутылки посыпались на пол. Невезучая официантка Летти Гиббс, с трудом оставившая позади неловкие подростковые годы и будучи, по собственному выражению, растяпой, упала лицом вперед с подносом, на котором несла бутылку шампанского и бокалы. Осколком ей перерезало горло.

Мужчины и женщины соскальзывали с барных стульев прямо посреди разговора, роняя недопитые коктейли и телефоны с незаконченными сообщениями в «Твиттер». Танцоры, потеряв сознание, по инерции падали в разные стороны. Это закончилось вывихнутыми руками и ногами, перебитыми носами, раскрошенными зубами и одной сломанной

челюстью.

Грохочущая музыка продолжала сотрясать стены, стробоскопы яростно мигали, но в мечущихся лучах прожекторов видно было только неподвижных людей, лежавших на полу, и еще лужа крови растекалась под умирающей Летти Гиббс.

* * *

Закусочная «Файнер-Дайнер» стояла у самой границы города – первое кафе, которое видели путешественники, съезжая с автострады, и последний шанс перекусить для тех, кто покидал город. Закусочная принадлежала семье Файнеров на протяжении многих поколений, но вершины успеха бизнес достиг лишь несколько десятков лет назад, когда озеро Делси стало главной туристической достопримечательностью. Множество рекламных щитов привлекало в Мойер машины, набитые людьми, неравнодушными к прогулкам на лодках и отдыху в кемпинге, и этот людской поток приносил закусочной прибыль всю весну и лето. Даже осень привлекала в домики, окружавшие озеро, немало тех, кто в поисках спокойного и живописного отдыха предпочитал держаться подальше от летнего безумия на воде.

Однако те безмятежные дни давно миновали. Появление предприятия «Панджeнто Кемикалс» положило конец не только безработице, но и озеру Делси. Старожилы рассказывали о разливах ядовитых вод, токсичных стоках и неза-

конном сбросе химических веществ, которые отравляли озеро. Купание нагишом в скрытой от посторонних глаз бухте долгое время было для мойерских подростков своеобразным обрядом посвящения, но все закончилось, когда оказалось, что от воды появляются сыпь и язвы, тошнота, рвота и понос.

Закусочная «Файнер-Дайнер» удержалась на плаву во время экономического спада, потому что в ней подавали лучшие гамбургеры в городе, а еще благодаря постоянным клиентам из числа местных жителей и стабильному, хотя и не такому большому потоку путешественников, съезжавших с шоссе в поисках места, где можно быстро перекусить. Для большинства из них знакомство с Мойером закусочной и ограничивалось – они отправлялись дальше, в более интересные места.

За две минуты до полуночи в «Файнер-Дайнере» сидело человек десять, завсегдатаи – те, кто задержался на работе или пропустил ужин, либо те, кого привлекал выбор завтраков, которые здесь подавали круглосуточно.

Мэри Дельфино несла большой поднос, направляясь к паре, сидевшей в задней кабинке. Эти двое приходили в закусочную с тех пор, как она начала здесь работать. Гейб и Линда, настоящие полуночники, появлялись поздно вечером и заказывали большие порции. В тот вечер Гейб выбрал фирменный завтрак «Не о чем тут думать» – блинчики с черникой, яичница, бекон, сосиски, домашняя картошка фри, тосты из непросеянной муки, кофе и большой стакан апельси-

нового сока. А Линда – бургер «Пир желудка» средней прожарки с большой порцией жареного картофеля с сыром и большой шоколадный коктейль. Иногда Мэри задавалась вопросом: может, они едят всего раз в день и поэтому столько заказывают?

Пит Пападакис, ночной повар, ловко управлялся на кухне, следя, чтобы заказы не задерживались под нагревательной лампой. Подойдя к угловой кабинке, Мэри улыбнулась… а в следующую секунду на нее обрушилась тьма. Ее сознание погасло, как свеча, которую задули.

Другие посетители за стойкой обмякли, закатив глаза. Генри Эддисон, пожилой мужчина, занимавший место на углу, падая, толкнул Мейбл Джеймс, и все попадали с табуретов один за другим, как костяшки домино.

На кухне Пит, отскребая металлической лопаткой поверхность гриля, мечтал о сигарете. Он собирался улучить пару минут и выйти покурить на задний двор, но сперва…

Мысли внезапно оборвались, и, потеряв контроль над телом, он упал лицом вперед. Руки попали на горячий гриль. Обожженная плоть зашипела, колени подогнулись. Пита тряхнуло, и он повалился спиной на кафельный пол.

* * *

В погоне за оригинальностью главную улицу Мойера назвали Центральной, а не Главной. К сожалению, этому назва-

нию не очень-то соответствовали старомодные магазины, занимавшие обе ее стороны на протяжении целых десяти кварталов, – стены, выкрашенные светлой краской, полосатые навесы, двери между выступающими вперед витринами, графитовые доски на тротуарах – с рекламой или меню, написанными мелом от руки. Большинство магазинов уже закрылись, их окна были залиты янтарным светом уличных фонарей, стилизованных под старинные газовые.

Полночь почти наступила, на Центральной оставались открытыми лишь несколько заведений – рестораны и ночные закусочные, винные магазины и тату-салон. Прохожих становилось меньше.

Мужчина средних лет в старом пальто, потертых джинсах, стоптанных ботинках и перчатках без пальцев натянул вязаную шапку на лоб. Он брел, шатаясь из стороны в сторону, как будто плиты тротуара разъезжались у него под ногами. Что-то бормоча, время от времени он отмахивался от воображаемых мух, жужжащих над его головой.

Он пытался сосредоточиться на прохожих, которые попадались навстречу, надеясь, что в ком-то из них великодушие преодолеет отвращение, которое люди обычно чувствовали в его присутствии. Альберт Кернодл не мог удержаться ни на одной работе и уже несколько лет занимался попрошайничеством. Доллар здесь, доллар там, иногда пятерка, а то и десятка позволяли не сдохнуть, но ему все-таки приходилось ежедневно обходить мусорные контейнеры у задних дверей

кафе и ресторанов. Иногда его разум прояснялся и наступало понимание, что он больше не поднимется со дна – такая уж у него судьба… Приложив некоторые усилия, ему все еще удавалось сводить концы с концами – пока жива была надежда, что игра стоит свеч. Однако временами он терял и эти крупицы веры. Чаще всего это случалось, когда он вспоминал, что его дни сочтены. Ну и зачем суетиться? Как ни странно, ответ «почему бы и нет» казался ему вполне логичным.

Он шел, готовый метнуться по первому зову за скромной подачкой, но на этот раз ему было гораздо труднее, потому что что он видел людей, которых на самом деле не было. Почти не было. Как и других видений, порожденных его больным воображением. Увидев немолодую пару, выходящую из «Анджелини», нового итальянского ресторана, – он как-то наведывался туда в туалет, – Альберт двинулся за ними, постепенно прибавляя шагу, чтобы догнать их раньше, чем они сядут в машину.

В названии ресторана он увидел хороший знак – ангелы идут из «Анджелини». Ангелы, полные милосердия и сострадания. Готовые поделиться парой баксов с прохожим. Протянуть руку помощи нуждающемуся.

– Эй… Простите… Простите!

Женщина удивленно оглянулась.

Отмахнувшись от очередной темной фигурки, словно назойливый комар мелькнувшей справа у самого лица, Аль-

берт заворчал, сообразив, что подал голос слишком рано.

– Боб, скорее! – прошептала женщина, вцепившись в руку своего спутника.

– Постойте! – окликнул их Альберт. – Я ничего плохого… Я не… У вас не найдется…

Он застонал, разочарованно помотал головой и только собрался начать свою речь сначала, как мужчина направил брелок на темно-синюю машину и нажал кнопку. Раздался чирикающий звук, и блокировка дверей отключилась.

– В другой раз, приятель, – проговорил он.

– Мне много не надо, – быстро заговорил Альберт, чувствуя, что рыба соскальзывает с крючка. – Всего бакс. Сущая ерун…

Мужчина покачал головой, выставив подбородок:

– Я же сказал… – И вдруг выронил брелок и начал падать. Он ударился о левое заднее крыло, и его тело отбросило в сторону. В тот же миг упала и испуганная женщина. Она подвернула ногу, сломала высокий каблук и рухнула вперед, ударившись лицом о бордюр.

У Альберта тряслись руки. Стоя над распростертой на асфальте парочкой, он таращился на неподвижные тела и не мог отвести взгляд от капель крови, капающих с бордюра – они будто загипнотизировали его. Альберт видел много странного наяву и не только, но сейчас он не знал, что именно видит. Слишком странно, чтобы быть явью, но в то же время достаточно буднично, чтобы считаться фокусами во-

ображения. Предположим, у мужчины – или женщины – случился сердечный приступ или, скажем, эпилептический припадок. Но у обоих сразу? Происшествие казалось реальным, оставаясь в то же время совершенно нелепым.

Тут Альберт вспомнил, как в детстве мама говорила ему: «Дареному коню в зубы не смотрят». Он просил у мироздания помощи, и оно ответило на призыв. А еще мама говорила: «На бога надейся, а сам не плошай».

Альберт присел на корточки. Мужчина – Боб – дышал, и он вытащил из внутреннего кармана его пиджака черный кожаный бумажник. Кредитки он трогать не стал, ему нужно было всего лишь немного налички. Он вытащил двадцатку.

– Что ты говоришь, Боб? Можно взять еще? Что ж, не откажусь, – он кивнул и выудил еще двадцатку. – Правда? Это все мне? Очень щедро с твоей стороны, Боб.

Он забрал всю наличку, почти две сотни десятками и двадцатками, и вернул бумажник на место.

Затем подобрался к женщине – ее имени он не знал – и дрожащими пальцами попытался нащупать пульс на шее.

– Все будет хорошо… миссис Боб. Просто царапина. Твой док тебя подлатает. А? Что? Хочешь сделать пожертвование? Очень великодушно. Благодарю.

Альберт порылся в дизайнерской сумочке, но, помимо кредиток и мелочи, нашел всего тридцать два доллара. Их он тоже сунул в карман, где лежал гораздо более щедрый вклад от Боба.

– Хорошего вам обоим дня… ночи, – с улыбкой кивнул Альберт.

Он прошел мимо машины, очень довольный тем, как обернулись дела. Вечер был поганый, но судьба неожиданно сменила гнев на милость. Что-то промелькнуло перед глазами. Он прищурился, отмахнулся и увидел еще одного человека, растянувшегося на земле, как будто ему внезапно приспичило вздремнуть. Мироздание снова улыбнулось Альберту.

Удачная выдалась ночка.

* * *

Неделя отпуска в кемпинге – катание на лодке и прогулки в Национальном заповеднике имени Марка Твена – закончилась, и Том Грубер направлялся домой. Он устал и в то же время чувствовал себя отдохнувшим. Бесконечные дни на службе в полиции маленького городка сужали горизонт так, что впору было заработать клаустрофобию. Грубер радовался свежему воздуху и разнообразным физическим нагрузкам на просторах национального парка. Никаких компьютеров, отупляющих бланков и справок. Он провел стремительно промелькнувшую, но чудесную неделю под бескрайним небом, восстанавливая связь с природой, пока канцелярские крысы чахли в офисах над всякой нудной чепухой.

Грубер чувствовал некоторое разочарование, ведь неделя

свободы пролетела так быстро, но все же с нетерпением ждал возвращения в знакомую обстановку и встречи с собственной постелью. Все-таки у домашнего уюта есть свои преимущества.

Его черный джип покинул шоссе и направился к въезду в город. Грубер чувствовал, что вот-вот перейдет в режим автопилота – на знакомых улицах, по которым он ездил столько раз, что все уже давно слилось в один привычный маршрут. Приближаясь к городу, он гадал, удастся ли ему посмотреть на Мойер свежим взглядом.

Вероятно, нет, не в этот поздний час, и усталость была лишь одной из причин. В основном, дело было в том, что он по-настоящему проникся отпускным настроением. Снял, образно выражаясь, форму. Официально «не при исполнении» – умом, телом и духом. И все же он никогда не терял бдительности, которая даже на отдыхе таилась у самой поверхности сознания.

Знак «Добро пожаловать в Мойер, штат Миссури» остался позади, под колесами джипа зашуршало асфальтовое покрытие – убаюкивающий белый шум, который запросто мог заставить водителя соскользнуть в дремоту. Грубер повидал немало людей, заснувших за рулем. Одни съезжали с насыпи или, наоборот, въезжали на нее, и машина останавливалась, никому не причинив вреда. Другим везло меньше, они устраивали крупные аварии, врезались в ограждения или дома. Эти воспоминания подействовали на него как глоток эс-

прессо – Грубер выпрямился и пошире открыл глаза.

Проезжая мимо закусочной «Файнер-Дайнер», он хотел остановиться и выпить чашечку кофе, но передумал и поехал по Центральной улице, гадая, сколько времени понадобится, чтобы *офицер Грубер* пробился сквозь туман, окутавший его сознание. Одной этой мысли оказалось достаточно, чтобы разбудить в нем копа.

В девять минут первого жизнь в деловой части города почти замерла, но Грубер все равно решил проехать через него и посмотреть все ли в порядке. Его дом находился сразу за этим районом, так что времени он потеряет совсем немного – нужно только дождаться, когда на светофоре загорится зеленый свет. Грубер поймал себя на том, что заглядывает в боковые улочки и всматривается в первые витрины.

Внезапно он заметил какое-то движение. Что это – человек, притаившийся в переулке? Или, может, мелькнул луч фонарика в темном окне магазина? Возможно, требуется вмешательство полиции? Грубер свернул за угол и остолбенел.

Перед ним был внедорожник, съехавший в канаву. Мотор работал, фары рассекали темноту. За внедорожником тянулся ряд поваленных почтовых ящиков. Дальше еще три машины, мигая фарами, громоздились друг на друге. Два пешехода лежали без сознания на тротуаре. Или это уже были трупы? Вдалеке пылал дом, и еще две машины были охвачены огнем. Круто свернув на обочину, Грубер остановился,

выхватил из-под сиденья аптечку, а из бардачка – фонарик и выскочил из джипа. Он слышал вой автомобильной сигнализации, но ни одной сирены «скорой помощи» или полиции.

– Какого черта?! – воскликнул он.

Что бы тут ни случилось, один он не справится.

Грубер сунул аптечку под мышку и, набирая 911, бросился к лежащему на тротуаре человеку. Он опустился на колени рядом с мужчиной, осветил фонариком его окровавленный лоб и… Внезапно раненый открыл глаза и сел. Щурясь от яркого света и зажимая рану ладонью, он спросил:

– Что случилось?..

Грубер тяжело вздохнул и огляделся.

– Я надеялся, что вы мне расскажете.

Глава 2

Потянув шланг, Дин Винчестер зацепил ногой ведро и выругался. Потом бросил шланг и понес ведра – одно с мыльной водой, другое с чистой – по бетонному полу гаража к заднему крылу «Импалы». Намочив варежку из микрофибры в мыльной воде, он шлепнул ею о борт машины, намереваясь уничтожить следы дорожной грязи. Конечно, можно было бы вымыть «Импалу» на автомойке, но этим хитроумным штуковинам доверять не стоит. Ретроавтомобиль заслуживает лучшего.

Опустившись на колено, Дин принялся драить бок машины, пытаясь ликвидировать ущерб, нанесенный ей километрами пути. Засохшая грязь скапливалась в основном рядом

с колесами, в этих местах всегда приходится как следует потрудиться. Дин сполоснул варежку в другом ведре, снова погрузил в мыльную воду и оставил на машине новую дугу из пены. Убедившись, что вся грязь исчезла, Дин швырнул варежку в ведро, поднял шланг и тонкой мощной струей смыл пену.

Мокрая «Импала» блестела в свете ламп. Дин отпустил рычаг распылителя, снова отбросил шланг и отнес оба ведра в сторону. На одном из заграждений, разделявших отсеки для мотоциклов, висели два пушистых полотенца и замша для тонкой работы. Он купил первосортную восковую пасту, но прежде чем приступать к полировке, хотел убедиться, что машина вымыта как следует.

– Будешь сверкать как новенькая.

Дин разговаривал с «Импалой». Неудивительно, учитывая, что в последнее время у них с Сэмом хватало разногласий. Особенно если разговор заходил о британских Хранителях знаний.

Дин вытирал машину насухо, уделяя особое внимание передним и задним фарам. Для лобового стекла было припасено средство для мытья окон, но эту процедуру он оставил напоследок.

И вдруг он увидел Сэма. Тот спустился вниз, вздохнул и окликнул брата:

– Дин! Что ты тут делаешь в такую рань?

– А на что это похоже?

– Похоже, что ты моешь машину.

– Нет, – отрезал Дин. – Я ее вытираю. Уже вымыл.

– Чувак, – Сэм покачал головой. – Третий раз за неделю.

– Ты что, считаешь?

– Тебе не кажется, что это уже слишком?

– На улице грязно. Детка пачкается.

– С тех пор, как ты вымыл ее в последний раз, она не покидала гараж.

– Сэм, оглянись, – Дин обвел гараж рукой. – От этой пыли тускнеет полировка.

Снова вздохнув, Сэм скрестил руки на груди и привалился к столбу.

– И что теперь? Будешь каждый день ее намывать?

– Не каждый, – возразил Дин, но на всякий случай уточнил: – Только если понадобится.

– Ну, или можно поговорить о том, что тебя беспокоит на самом деле, – заметил Сэм.

Дин отложил полотенце, взял замшу, покачал головой и усмехнулся.

– Что меня беспокоит? Тебе полный список или краткий?

– Как хочешь.

Дин замер, прижав замшу к крыше «Импалы».

– Что с нами случилось, Сэм?

Не зная, что ответить, Сэм поднял брови и нахмурился. Покачал головой:

– Чего с нами только не случалось.

– Мы охотники, Сэм. Мы *охотимся*. Это очень просто.

– Это не всегда просто.

– Ладно, – признал Дин. – Не всегда просто, но всегда понятно. Мы охотимся на монстров. Выслеживаем. И убиваем. По крайней мере, раньше так делали. Пока британским Хранителям знаний не вздумалось пересечь Атлантику.

– Но мы по-прежнему охотимся.

– Мы выполняем задания, – отрезал Дин. – Строчим отчеты. Мы просто… менеджеры среднего звена. Посредственные посредники. Даже хуже… мы для них что-то вроде мальчиков на побегушках.

– Мы всегда были на передовой, – сказал Сэм, – и тут ничего не изменилось. Но они…

– Что?

– Они видят общую картину, – Сэм отошел от столба. – Ты прав. Мы охотимся, охотимся и снова охотимся. Как заевшая пластинка. Всегда. Но сейчас, мне кажется, мы наконец-то можем что-то изменить к лучшему.

– Уже меняли, – возразил Дин. – Столько раз, что и не счесть. Сэм, мы же остановили гребаный апокалипсис.

– Я не говорил, что от нас нет никакой пользы, что мы не приносим ее сейчас, – отозвался Сэм. – Но кажется, теперь мы добиваемся гораздо большего. И сможем положить конец всему этому, если будем работать вместе.

– Ничего подобного. Не верю.

Дин прекрасно понимал, что Сэму нужна надежда, хотя

бы проблеск надежды, что его жизнь изменится, пусть даже в далеком будущем. Дину очень не хотелось развеивать его заблуждение, но он не думал, что это когда-нибудь закончится.

– Охотники приходят и уходят, Сэм. Охота остается. Мы… просто звенья цепи.

– Но все может быть по-другому.

Однако по голосу Сэма Дин понял, что ему и самого себя убедить сложно, не то что брата. И правильно. Дин не питал иллюзий – ни насчет самой жизни, ни насчет ее завершения. Никакой пенсии. Никаких золотых часов[1]. Никакой прощальной вечеринки. Внезапно и жестоко – вот как обрывается жизнь охотника.

– Мы все еще охотники, Дин, – проговорил Сэм. – Это не изменилось.

– А тебя не напрягает, что ты получаешь от них приказы? – спросил Дин.

– У нас общие цели, Дин, – Сэм пожал плечами. – Мы вон с Кроули работали. И не раз, когда это было в наших интересах.

– Что ж, я им доверяю примерно так же, как Кроули. Хотя нет. Пожалуй, Кроули я доверяю больше. А ведь он чертов Король Ада.

– Слушай, я все понимаю. Мик помешан на соблюдении

---

[1] Устаревающая традиция, согласно которой сотрудникам при выходе на пенсию дарят часы, символизирующие много лет, проведенных в компании. (*Здесь и далее прим. переводчика.*)

правил… Хотя, вероятно, со временем он изменит мнение. А Кетч – засранец. Но не обращай на них внимания. Сосредоточься на работе.

– Так написано на плакате в их офисе?

– Если тебе станет легче, – проговорил Сэм, – я уверен, что мы тоже действуем им на нервы.

– Ну, у мамы с ними никаких проблем нет.

Мэри Винчестер, погибшая от рук демона Азазеля, когда Сэму было полгода, и воскрешенная тридцать три года спустя, предпочла британских Хранителей знаний своим сыновьям. Она начала работать с ними задолго до того, как к ним присоединился Сэм, притащивший за собой и Дина.

– Дин, ей, должно быть, не по себе, – проговорил Сэм. – Когда она умерла, ты был ребенком, а я – вообще младенцем. Прошло тридцать лет. Мы изменились, а она нет. Ей нужно побыть без нас, привыкнуть.

– Она сбежала к ним, – проворчал Дин. – Не отвечает на половину сообщений.

Сэм отступил и снова привалился к стойке.

– Просто нужно… Дай ей немного времени, Дин.

– Кас тоже хорош. – Мотнув головой, Дин снова начал бегать вокруг машины с влажной замшей. Крыша «Импалы» высохла, но ему нужно было чем-то занять руки. – Сперва заявляется и крадет кольт, чтобы замочить Келли и нерожденное отродье Люцифера… Ну, это я понять могу. Он сомневался, что у нас хватит духу выстрелить, когда дойдет до

дела… или действовать по плану «Б». Но потом он удирает с ней. И исчезает. Потом опять появляется весь из себя такой крутой, поджигает Дагон и усыпляет нас. И теперь, вместо того чтобы убить Злыдня-младшего, он внезапно начинает его защищать? Ну уж нет! Не знаю, что там вселилось в тело Каса, это точно не он.

– Наверное, у него есть причины…

– Ага, – отозвался Дин. – Демонское семя скачет в его ангельском черепе и все переворачивает вверх дном. – Он тряхнул головой. – А что, если зародыш Люцифера обратит Супер-Каса против нас? Что думаешь о наших шансах в этом случае?

– Неважно, – отозвался Сэм. – Но у него была возможность, и он ею не воспользовался. Он вырубил нас, тем не менее мы живы и здоровы.

– Вопросов теперь больше, чем ответов.

– С этим не поспоришь.

Дин с отвращением скомкал замшевую тряпку и бросил в ведро с мыльной водой.

– Вся эта фигня с Хранителями знаний напоминает рейдерский захват. Мама к ним переметнулась… теперь еще и Кас. Дичь какая-то.

– И что ты собираешься делать?

Дин тяжело вздохнул и пожал плечами. Будь у него ответ, стал бы он часами драить «Импалу»?

– Не знаю, старик, – развел он руками. – Это единствен-

ное, в чем есть хоть какой-то смысл. Я не могу вернуть маму, не могу контролировать Каса… даже если бы, черт подери, знал, где он сейчас ошивается. Но я могу поддерживать «Импалу» в чистоте. – Он отвернулся, положил ладони на крышу машины и опустил голову. – Что касается остального…

Он услышал шаги Сэма и почувствовал, как брат сжал его плечо.

– Дин, мы что-нибудь придумаем. Мы всегда находим решение. Просто иногда на это нужно чуть больше времени.

Сэм ушел, а Дин стал сосредоточенно полировать «Импалу», стараясь думать только о том, чем был занят прямо сейчас, и не позволяя мыслям мчаться в ста разных направлениях в поисках ответов, которых все равно не найти. Он успокоился и получал удовольствие от хорошо сделанной работы. Иногда самые простые действия – лучшее средство от тревоги, которая не находит выхода.

Но даже хорошее не может длиться вечно.

Дин свернул шланг, вылил воду, убрал все на место. И его мысли тут же вернулись к прежним проблемам. Это было все равно что бередить незажившие раны. Стоит ли удивляться, если снова выступает кровь?

– Не лезь к себе в голову, – велел он себе. – Живи настоящим.

В настоящем его рубашка и джинсы промокли и липли к телу. Отвратительное ощущение. Но прежде чем отправиться в свою комнату и переодеться, Дин заглянул в библиоте-

ку. Сэм сидел за деревянным столом, уставившись в экран ноутбука. Дин улыбнулся.

– Что это у тебя там? Порно? Ладно, не буду отвлекать.

– Что? – Сэм непонимающе посмотрел на него и, нахмурившись, отмахнулся. – Нет, ничего такого… Кажется, я что-то нашел.

– Для Хранителей знаний?

– Нет, – ответил Сэм. – Для меня. Для нас, если захочешь.

– Сперва надо посмотреть, – сказал Дин, но подумал, что вряд ли откажется от дела, если оно хотя бы чуть-чуть его заинтересует. Жить настоящим гораздо труднее, если нечем заняться и приходится только ждать очередных неприятных сюрпризов. – Что там у тебя?

– Мойер, штат Миссури, – отозвался Сэм. – Блэкаут, который поразил весь город.

– Все жители разом забыли оплатить электричество? – переспросил Дин. – А при чем тут…

– У них не электричество отключилось, а сознание. – объяснил Сэм, – Ровно в полночь все жители города вырубились.

– Вообще все?

– Похоже на то. – Сэм смотрел на экран. – Минут на десять. – Он покачал головой и поднял брови. – Независимо от того, чем занимались – шли по улице, вели машину, гуляли по магазинам, ужинали…

– Ужинали? В полночь?

– В местном круглосуточном кафе. Те, кто не мог заснуть, смотрели телевизор, опустошали холодильник… Все упали прямо там, где находились.

– В полночь весь город решил подремать минут десять?

– Скорее, крепко уснуть. Или… впасть в измененное состояние сознания. И похоже, это произошло мгновенно. Как будто кто-то щелкнул выключателем в мозгу.

– И что же случилось во время этой групповой сиесты?

– Сам подумай, – отозвался Сэм. – Те, кто вел машину, врезались – кто во что. Люди, которые шли, бежали или танцевали, упали. У них множество мелких травм, переломы, сотрясения мозга. И несколько смертей. – Он поднял глаза. – Хорошо, что это произошло не в час пик.

– И не повторилось?

– Пока это было один раз. С тех пор только мелкие правонарушения, но…

– Но?

– Какие-то странные… Вандализм и разные выходки, и все это рано утром.

– Но, как ты и сказал, все это какие-то мелкие происшествия.

Сэм помотал головой.

– Дин, проблема не в том, что это за нарушения, а в том, *кто* их совершил. Пятидесятилетнюю учительницу поймали, когда она разрисовывала из баллончика дверь соседского гаража. Банковский служащий средних лет изрезал шины

чужого автомобиля.

– Что-то они не похожи на малолетних преступников…

– А еще они ничего об этом не помнят, – добавил Сэм. – У всех провалы в памяти.

– Провалы в памяти? – переспросил Дин. – Как у тех, кого похищают инопланетяне?

– Маленьких человечков никто не упоминал. Ни серых, ни зеленых.

– А что думают местные?

– Журналисты считают, что возможна утечка химикатов. Подозревают, что во всем виновато местное предприятие «Панджeнто Кемикалс». И не без оснований. Похоже, там серьезные проблемы с экологией. Полиция уже этим занимается, но говорить о чем-то конкретном пока рано. Если дело против «Панджeнто» и завели, прессе об этом не сообщали.

– Разумно, – проговорил Дин. – Что-то еще?

– Поклонники теории заговоров утверждают, что это последствия секретной операции. Полевые испытания новейшей технологии управления толпой. – Сэм закрыл ноутбук и посмотрел на Дина. – Ну, что скажешь?

– Ну, если Хранители знаний не висят у нас на хвосте, я в деле, – отозвался тот.

Глава 3

В динамиках «Импалы» ревел классический рок, Дин постукивал пальцами по рулю. Словно в ответ на его приподнятое настроение, солнечный свет позднего утра отражался от капота свежеотполированной машины, мчащейся по шоссе между штатами. Сэм сидел на пассажирском сиденье, привалившись плечом к двери, и наблюдал за братом из-под полуопущенных век, притворяясь, что засыпает. Пока что выход за пределы бункера творил чудеса.

Бессмысленное сидение в бункере лишало возможности ясно мыслить, и тревога начинала подпитывать саму себя. Бункер защищал их от паранормальных опасностей, но не мог защитить от их собственных беспокойных мыслей.

Они бы предпочли, чтобы мать после воскрешения осталась и охотилась с ними – если уже ей хочется именно так продолжить свою прерванную жизнь, – но требовать этого не могли. Мать, которую Сэм даже не помнил, снова появилась в его жизни тридцать три года спустя, и это было очень странно. Но он даже представить себе не мог, насколько странно чувствовала себя она – в окружении чужаков, в семье незнакомцев. Возможно, глядя на Дина, она еще могла разглядеть своего маленького сына, но Сэм казался ей дальним родственником, с которым она только что познакомилась. Ей требовалось личное пространство, и Сэм не возражал. Но он понимал и желание Дина немедленно заполучить ее в свое полное распоряжение и наверстать упущенное время.

Что же касается ситуации с британскими Хранителями знаний, Сэм не имел ничего против. У них была общая миссия, хотя выполнить ее они собирались способом, который казался чуждым Сэму, Дину и всем остальным американским охотникам. Сэм признавал, что британские Хранители умеют добиваться результата, хотя не всегда был согласен с их методами. И он увидел возможность добиться реальных перемен – того, что местным охотникам удавалось так редко. Может быть, потому, что все они были как солдаты на передовой – сражались с врагом каждый день, но истинного размаха войны не представляли.

Дин сменил ряд и свернул на городскую дорогу. Разре-

шенная скорость тут была значительно ниже, но и машин было мало. Указатели привели их на Центральную улицу. Указав на выцветший, облупившийся щит с рекламой гостиницы «Озеро Делси», Дин предложил:

– Остановимся тут? Нужно переодеться.

Сэм кивнул.

Судя по скупым новостям в Сети, Сэм сомневался, что местные власти начали активное расследование, и массовая потеря сознания вряд ли их заинтересовала. Руководство «Пандженто Кемикалс» отрицало свою причастность, и, учитывая, что на этом предприятии работало более половины взрослого населения Мойера, полиция не настаивала на версии, в которой оно было бы виновником. Страховые компании, которым предстояло возмещать убытки, могли ворчать сколько влезет, но причина внезапной массовой потери сознания установлена не была, так что и обвинять было некого. Какие-то люди поздно ночью? Ну и что. Материальный ущерб, травмы и смертельные случаи? Это всего лишь последствия нескольких несчастных случаев. Никто не сомневался, что страховые компании будут изо всех сил тянуть время, прежде чем начнут хоть что-то выплачивать.

Они ехали по извилистой Центральной улице, в голубом небе сияло солнце, освещая совершенно пасторальные сцены. Сэм даже начал задаваться вопросом, не слишком ли они поторопились? Вдруг у полиции есть веские причины закрыть глаза на произошедшее? В конце концов, блэкаут не

повторился, и никаких видимых послед…

Сэм наклонился вперед.

– Это то, что я думаю?

– Пятикилометровый забег голышом? – предположил Дин. – Не вижу нагрудного номера, но да, тебе не померещилось.

На другой стороне улицы семеро совершенно голых мужчин и женщин средних лет, нисколько не смущаясь своей наготы, небрежно трусили по дороге.

– Что-то новенькое, – заметил Сэм, глядя на их спины и отвисшие ягодицы.

– Добро пожаловать в Мойер, – отозвался Дин.

Мужчин было больше, но впереди бежали женщины. Только один мужчина, помоложе, обогнал всех на несколько шагов и размахивал над головой руками, будто приветствуя ликующую толпу. Одна из женщин посылала воздушные поцелуи воображаемым зрителям. Еще один мужчина то метался зигзагами, словно спасаясь от снайперского огня, то хлопал руками, как курица крыльями. Все бежали босиком, не обращая внимания на гравий и мусор под ногами. Последний мужчина, которому не помешало бы сбросить килограммов пятьдесят, с каплями пота на лысой голове, плелся в хвосте, пыхтя, кашляя и все больше отставая. На следующем перекрестке все они почему-то повернули налево, направляясь к пригородным домам, и разделились, заняв обе стороны дороги. Пользуясь отсутствием транспорта, они пе-

ребегали туда-сюда, весело размахивая руками. Причины их ликования по-прежнему оставались непонятными.

Когда Дин проезжал мимо боковой улицы, Сэм оглянулся и покачал головой.

– Что это было?

– Мой вариант? Дурдом на экскурсии.

– Для стрикеров[2] они староваты, – заметил Сэм. – Сейчас вообще так делают?

– Может, решили молодость вспомнить?

Через несколько секунд неподалеку взвыла полицейская сирена.

Сэм задумчиво откинулся на спинку сиденья.

– Странные выходки…

– Ты о чем?

– Необычное поведение, – продолжил Сэм. – Возможно, конечно, дело в наркотиках… Все же неспортивные люди средних лет редко занимаются бегом по пересеченной местности. Да еще голышом. Причиной необычного поведения может стать недосып, но никак не пара лишних минут сна. Сон здесь ни при чем… Что, если это нечто другое?

– Все может быть, – отозвался Дин. Он бросил взгляд в зеркало заднего вида, но пожилых стрикеров уже не было видно. «Импала» уже была слишком далеко от места собы-

---

[2] Стрикер – человек, появляющийся в общественных местах в обнаженном виде. Например, выбегает на стадион во время матча. Одна из форм протеста против условностей общества.

тий. Так далеко, что возвращаться не имело смысла. – Посмотрим, куда все это нас приведет.

* * *

– Специальный агент Тенч, у меня дикая головная боль, – сообщил шеф полиции Реджинальд Хардиган, выразительно подняв указательный палец. – Хотя нет. У меня *целая куча* головных болей, которые собираются в одну гигантскую, мигрень.

Представляясь взбешенному начальнику мойерской полиции, Дин назвал себя Тенчем, а Сэма – Блэром. Больше ничего он сказать не успел – Хардиган, лицо которого было покрыто красными пятнами, выпятил грудь колесом и принялся перечислять причины, по которым расследование массовой потери сознания не продвинулось дальше предварительного опроса пострадавших.

– Вот так, агент Тенч, или что там написано в вашем удостоверении, – продолжал Хардиган. – И от этой мигрени таблеток еще не придумали. Потеря сознания! Эта новость уже устарела. Я сейчас, образно выражаясь, сижу в подвале, пока наверху горит весь чертов дом.

– И что, собственно, этот дом собой…

Сэм вмешался, пока Дин не успел окончательно вывести из себя шефа полиции:

– Мы хотим помочь.

– Вы хотите *помочь*? – проворчал Хардиган.

Сэм начал подозревать, что голова у него болит по-настоящему, и не от внезапной лавины мелких преступлений. Это объяснило бы, почему у него такое красное лицо.

– Да, – подтвердил Сэм. – Мы расследуем обстоятельства массовой потери сознания. Можете рассказать, что вы обнаружили в «Панджeнто Кемикалс», или…

– С «Панджeнто» – дохлый номер, – отозвался Хардиган, безуспешно пытаясь подтянуть брюки повыше. – Они утверждают, что ни при чем.

Дин нахмурился.

– И вы им поверили?

– Первым делом с утра осмотрел все их помещения. Ничего подозрительного. А вечером сюда прикатят умники в скафандрах, будут проверять грунтовые воды и водопроводную воду.

– В костюмах биозащиты? – уточнил Сэм.

– Вот именно. Смешно, да? – Хардиган покачал головой. – По-моему, это перебор. «Панджeнто» здесь уже много лет, на них полгорода работает. Мы тут все заодно, и руководство кампании тоже теряется в догадках.

Они стояли посреди офиса, и несколько патрульных, которые тоже здесь находились, изо всех сил старались не попадаться шефу на глаза: обходили его по широкой дуге или, усевшись за стол, с головой погружались в изучение компьютерного экрана, блокнотов и папок со списками улик. Сэму

показалось, что шефу полиции нужен козел отпущения – кто-то из подчиненных, на кого можно было бы выплеснуть растущее раздражение.

Надеясь получить дополнительную информацию и при этом избежать неприятностей, связанных с независимым расследованием, Сэм решил действовать осторожно.

– У «Панджeнто» неоднозначная история… – начал он.

– Утечка токсичных веществ, – брякнул Дин.

Однако Хардиган воспринял это спокойно.

– Это было давно и не факт, что правда, – отмахнулся он. – И потом, эта версия уже не прокатит.

– В каком смысле? – спросил Сэм.

– Если бы у них произошла еще одна утечка – ну, предположим, – и они заразили воду в Мойере, пострадавшие должны были ее *выпить*.

Сэм понял, к чему он клонит, и заметил:

– Логично.

Хардиган развел руками:

– По-вашему, они все сделали это одновременно?

– В полночь, – кивнул Сэм. – Ядовитые вещества не могли оказать одинаковое воздействие на всех и в одно и то же время. Эффект должен был проявиться в разное время и по-разному. Даже если «Панджeнто» действительно виновна в очередном выбросе токсичных веществ, как вышло, что все жители Мойера потеряли сознание в один и тот же миг? Еще версии? Ядовитое облако? Ядовитые испарения пере-

носит ветер, и по мере того, как облако удаляется от места возникновения, его токсичность ослабевает. Кроме того, задеть могло всех, но не *всех сразу*. Высокоэффективной системы подачи вредных веществ в город не обнаружили, поэтому одновременная и массовая потеря сознания указывала на непричастность «Панджeнто». Вероятно, все же стоит прислушаться к сторонникам теории заговоров.

– Вот именно, – подтвердил Хардиган. – И я не вижу причин обвинять «Панджeнто». Ну а тем временем у меня тут обвинения в вандализме и хулиганстве пихаются, как старшеклассники в очереди к шведскому столу. Разбитые витрины и граффити, доставщик сбил на своей машине несколько пожарных гидрантов, учительница средней школы, милейшая старушка, написала на доске «Убирайтесь к черту!» и покинула класс, и еще десяток происшествий в том же духе. Но если вам хочется заниматься ерундой, забудьте о «Панджeнто» и займитесь крушением поезда, которое случилось несколько недель назад… Это что еще такое?!

– Стрикеры, – ответил полицейский за ближайшим столом.

Сэм и Дин проследили за взглядом шефа полиции и увидели, как двое копов ведут по коридору тех самых голых бегунов, которых они уже видели. Мужчины и женщины сутулясь, смущенно кутались в спасательные одеяла. Одна женщина недоверчиво трясла головой и повторяла:

– Что случилось? Я не понимаю…

В открытую дверь Сэм заметил кровавый след на кафельном полу. Эти люди, ничего не замечая, бежали по камням, битому стеклу и мусору.

– Эй, да это же Барт Ходжес! – воскликнул сидящий неподалеку полицейский. – А вон там… Анита Финамор. Я ей газон стриг, когда школьником был…

– Совет директоров Ассоциации домовладельцев Баркли в полном составе, – подсказал коп, сидевший за соседним столом.

– Черт подери! – негромко выругался Хардиган. – Боуман, ты прав.

– Слышал от Шейлы из диспетчерской, что они вдруг вскочили посреди делового обеда в «Белтраме», выбежали на стоянку, сорвали с себя одежду и помчались по Мейпллейн, как участники «голого флешмоба».

– Позорят ассоциацию, – заметил Дин.

– Позорят, это точно, – подхватил Боуман и отвел взгляд, когда Хардиган сердито на него покосился.

Еще один патрульный с черной спортивной сумкой, раздувшейся от одежды, заглянул в дверь:

– Собрал их вещички на стоянке «Белтрама». Не хватает, правда, несколько бумажников и телефонов.

– А много они на этом обеде выпили? – спросил Хардиган.

– По словам Питерсона, уровень алкоголя в крови ни у кого из них не превышает норму. Но все они помнят только самое начало обеда, а потом – как их скрутили и посадили

в машину.

Хардиган стал мрачнее тучи.

– Как и все остальные…

– Остальные? – переспросил Дин.

– Другие нарушители, – пояснил Хардиган. – Вандалы, хулиганы. У всех отшибло память, как по заказу. А в следующий раз они скажут, что это их демоны заставили.

Винчестеры переглянулись, но Сэм сомневался в том, что демоны имеют к этому какое-то отношение. Демоны не чувствуют угрызений совести, используя людей в качестве одноразовых костюмов из плоти, но они заимствуют чужие тела, чтобы совершать нечто гораздо более серьезное, чем битье окон, граффити и пробежки в чем мать родила.

– Вы упомянули какое-то крушение поезда, – напомнил Дин.

– Пару недель назад разводной мост Ханчетт-Крик – ему лет сто было! – рухнул под тяжестью вагонов, перевозивших винилхлорид в Джефферсон-Сити. Один из вагонов развалился, все содержимое улетучилось. Там было полно этой дряни. Облако газа летело по улице, как в фильме ужасов. А ведь эта штука очень огнеопасна… Пришлось эвакуировать два десятка домов и закрыть местную школу. Окружное Управление по чрезвычайным ситуациям объявило тревогу и велело не выходить на улицу.

– Жертвы были? – спросил Сэм.

– В больницу попало несколько десятков человек, вклю-

чая врачей «скорой помощи». Резь в глазах и горле, головная боль и проблемы с дыханием, – сказал Хардиган. – А знаете, что еще вызывает эта дрянь?

Сэм бросил взгляд на Дина, который едва заметно пожал плечами.

– Нет. Так что же?

– Потерю сознания, – отчеканил Хардиган. – А если хорошенько надышаться, то и помереть можно. Нам повезло, что полгорода не сгорело.

– Это произошло несколько недель назад, – сказал Сэм. – На какой стадии расследование?

– Черт его знает, – отозвался Хардиган. – Им занимается НКБП[3] и не позволяет убрать эти чертовы вагоны, а Департамент охраны окружающей среды жужжит, как муха в навозной куче. Лично я хочу только одного: чтобы вся эта ядовитая дрянь исчезла из моего города. Как думаете, ребята, сможете мне помочь? Замолвите словечко?

– Технически мост Ханчетт-Крик находится за чертой города, – вмешался Бродер. – В Бейкерсбурге.

Хардиган сверлил Бродера взглядом так долго, что тот кивнул, словно молчаливо извиняясь за то, что влез в разговор, потом повернулся к своему компьютеру и застучал по клавиатуре.

Тяжело вздохнув, Хардиган посмотрел на Винчестеров.

– Офицер Бродер прав, но ветру линии на карте не указ.

---

[3] НКБП – Национальный комитет безопасности перевозок.

И в тот день Мойер находился с подветренной стороны от Бейкерсбурга. Угадайте, сколько жителей Бейкерсбурга после крушения попали в больницу, выкашливая легкие? – Он снова взглянул на патрульного: – Офицер Бродер, у вас есть информация?

– Ни одного, шеф, – поспешно ответил Бродер.

– Вот именно! – Хардиган снова повернулся к Сэму и Дину. – Так что передайте НКБП, я хочу все это…

– Эй, шеф! – окликнул его улыбающийся патрульный, войдя в участок. Лет двадцати пяти – тридцати, худощавый, чисто выбритый, с очень короткой стрижкой – он выглядел как живая реклама полиции. – Слышал, вы поймали группу стрикеров.

– Совет директоров Ассоциации домовладельцев Баркли, – уточнил Боуман, не отрываясь от работы.

– У меня тоже кое-что есть.

– И что же это, Грубер?

– Ну, мой парень голышом не разгуливал, – сказал Грубер, не в силах сдержать улыбку, – но вы только послушайте. Он раскачивался на деревьях в Пеннингер-парке.

– Мечтал стать королем джунглей? – спросил Дин.

– Да! – Грубер рассмеялся. – И конечно свалился.

– Конечно, – кивнул Сэм.

– Этому идиоту повезло, всего лишь подвернул лодыжку и вывихнул плечо. – Грубер вытащил блокнот на пружине. – Это мистер Уолтер Скэггс. Когда его не тревожит зов дикой

природы, он работает мясником в «Мойер Митс».

– Дайте-ка угадаю, – предложил Сэм. – Он не помнит, что лазил по деревьям.

– Откуда вы… – патрульный бросил на него быстрый взгляд и вопросительно посмотрел на босса. – А кто?..

Хардиган сунул большие пальцы за ремень и кивнул сначала на Дина, потом на Сэма:

– Агенты… Тренч и Блюр.

– Тенч и Блэр[4], – поправил Сэм, не дав Дину разворчаться.

Если Хардиган хотел их задеть, то ему это удалось – Дина он точно задел. Сэм отнесся к оговорке. пусть и намеренной, спокойно, ведь их фальшивые удостоверения прошли проверку. Так что чем меньше шеф полиции будет помнить о них, тем лучше.

– Прошу прощения, – извинился Хардиган. – Короче, это агенты ФБР. Расследуют наше полуночное безумие.

– Правда?

– Старший патрульный офицер Том Грубер – тот самый человек, к которому вам следует обратиться. Он вернулся в город, когда все еще были в отключке, – сказал Хардиган, кивнул братьям и ушел.

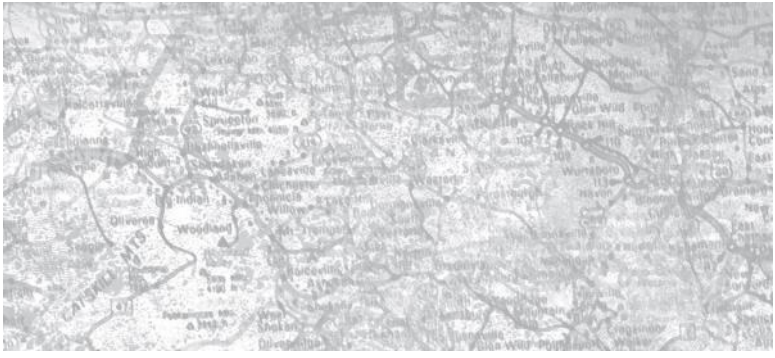
– Я бы не отказался перекусить, – сказал Грубер. – Может, по бургеру?

– Согласен, – ответил Дин.

---

[4] Бенмонт Тенч и Рон Блэр – участники американской рок-группы Tom Petty and the Heartbreakers.

Глава 4



Не прошло и получаса, как Грубер, Сэм и Дин заняли угловую кабинку в закусочной «Файнер-Дайнер», и официантка Мэри приняла заказ: два чизбургера, сэндвич с курицей, жаренной на гриле, и три порции картошки фри.

– Боишься рискнуть? – спросил Дин у Сэма.

– Что?

– Даже салат не возьмешь?

– Не хочу брать салат в придорожном кафе.

– Вообще-то, здесь хорошо готовят, – заметил Грубер.

– Может, в следующий раз.

Дин окинул закусочную быстрым взглядом. Пластиковые столики и длинные стойки, диванчики из искусственной ко-

жи и высокие барные стулья, линолеум на полу, большие чистые окна с трех сторон и жалюзи, защищающие от послеполуденного солнца. В кафе было много народу, десятки голосов сливались в успокаивающий гул, из которого можно было выхватить только отдельные слова. На первый взгляд ничего необычного.

– Почему «Файнер»? – спросил Дин. – Потому что тут хорошо готовят?[5]

– В смысле? А, ты про название, – сообразил Грубер. – Этим заведением много поколений подряд владеет семья Файнеров. Но тут и правда лучшие гамбургеры в городе.

– Сэм, слыхал? Упустишь шанс.

– Не первый и не последний, – ответил Сэм и обратился к Груберу: – Итак, Том, что ты можешь рассказать о блэкауте?

Не успел тот ответить, как Мэри, улыбаясь, принесла тарелки с едой.

– Два больших чизбургера и сэндвич с курицей на гриле. Картошка фри для всех. Сладкий чай офицеру Груберу и вода для модных парней.

Сделав глоток чая со льдом, Грубер сказал:

– Спасибо, Мэри. Обслуживание, как всегда, на высоте.

– Принести вам еще что-нибудь?

Дин схватил чизбургер обеими руками.

– Нет, все в порядке.

---

[5] Фамилию Файнер (Finer) можно перевести как «лучший, более качественный».

Сэм кивнул.

– Мне тоже больше ничего не надо, – ответил Грубер.

Мэри кивнула и уже хотела отойти, но вдруг остановилась и сказала:

– Я случайно услышала… Вы говорили о том, как все заснули в полночь?

У Дина рот был набит, и он кивнул Сэму, чтобы тот ответил.

– Мы расследуем это происшествие, – пояснил Сэм.

– Парни из ФБР, – сообщил Грубер.

– Да ну! – поразилась Мэри. – То, что с нами случилось, было очень странно. Мы все разом отключились.

– Вы в полночь не спали?

Мэри кивнула.

– Ни за что больше не стану подменять Донни, – твердо сказала она.

– Ты часто вместо него выходишь? – поинтересовался Грубер.

– Каждый раз, когда у него свидание. Ну, так он говорит. Знает, что я на все соглашусь, если речь о настоящей любви.

– Думаю, эти «любови» он находит на сайтах знакомств, – проговорил Грубер. – Сомневаюсь, что они такие уж настоящие.

– Никогда не знаешь, что может случиться.

– Ну а с вами-то что произошло? – вмешался Сэм. – В полночь?

Достав из нагрудного кармана блокнот и ручку, Грубер стал делать пометки. Дин, откусив большой кусок чизбургера, бросил многозначительный взгляд на Сэма, и тот, кивнув, тоже достал блокнот и ручку.

– То же, что и со всеми, – Мэри огляделась и уточнила: – Правда, тут никого из них нет. Я имею в виду наших ночных завсегдатаев. Короче, вот я несу две полные тарелки к столу, а в следующий момент прихожу в себя лицом в куче еды. Повезло, что Гейб и Линда столько всего заказали. Хотя я ушибла локоть и порезала руку осколками. Стакан с апельсиновым соком разбился, – она подняла руку и показала пластырь. – Но больше всего пострадала моя гордость.

– То есть? – уточнил Сэм, оторвавшись от записей.

– Я выглядела так, будто проиграла в самой большой битве едой, – с отвращением проговорила Мэри. – Волосы, лицо, одежда – все было испачкано. Но мне еще повезло, ведь те, кто сидел за барной стойкой, кости переломали… А Пит, ночной повар, обжег руки о гриль.

– Вы что-нибудь почувствовали перед тем, как это случилось? – спросил Дин. – Был хоть намек, что вы вот-вот потеряете сознание?

Немного подумав, Мэри покачала головой.

– Все произошло так быстро, – она щелкнула пальцами. – И это было как курица и яйцо, понимаете?

– Нет, – озадаченно ответил Сэм.

– Я брала напрокат немало дрянных фильмов. Скукоти-

ща! Признаюсь честно, иногда я даже засыпала, пока их смотрела. Но я всегда чувствую, когда начинаю засыпать, клюю носом, перестаю понимать, что происходит на экране, и только потом надвигается темнота, и через пару часов я просыпаюсь с больной спиной.

– Как я вас понимаю, – кивнул Дин.

– Вот-вот, – обрадовалась Мэри, почувствовав в нем родственную душу. – Но в тот раз было не так. Я не чувствовала, как засыпаю или просыпаюсь. Трудно объяснить, но будь я электроприбором, я бы сказала, что кто-то выдернул мою вилку из розетки.

– А при чем тут курица и яйцо?.. – напомнил Сэм.

– Неизвестно, что было раньше – я отключилась и начала падать или наоборот. Вроде бы помню, как падала, но, кажется, потеряла сознание еще до того, как ударилась о пол. Просто бах, и все.

– Больно было?

– Только когда очнулась, – с коротким смешком она снова показала им руку, потом вздохнула. – Могло быть и хуже. Сломала бы ее или вывихнула плечо, как в старшей школе.

– Вы очнулись, как и все остальные? – спросил Сэм.

– Под звуки охов и стонов? – Она кивнула. – Пожалуй, да. Все очнулись примерно в одно время. – Мэри поставила поднос на край стола. – Хотите знать, что я думаю?

– Разумеется.

Дин посмотрел на Сэма. Оба были готовы услышать оче-

редную теорию заговора.

– Я поделилась этим с Гарри, – продолжила она, – но он сказал, что я спятила.

– Гарри – это владелец закусочной, – пояснил Грубер.

– Короче, я думаю, что это была утечка угарного газа, – заявила Мэри. – Гарри сто лет не менял батарейки в датчиках. Разве они не должны пищать, как детекторы дыма, когда батарейка садится?

«Неплохая версия», – подумал Дин.

Угарный газ действительно вызывает потерю сознания. Люди гибнут – иногда по своей воле, – сидя в запертом гараже в машине, работающей вхолостую. Они медленно задыхаются и умирают. Но в Мойере люди отключились мгновенно…

– Такая утечка не объясняет, почему сознание потеряли все жители города, – заметил Сэм.

– О, так я и не говорю, что утечка произошла здесь, – возразила Мэри. – Я бы тут не работала, если бы считала, что тут опасно.

– А где же тогда?..

– Что, если утечка была во всем городе? – предположила она. – Ну… утечка промышленных масштабов, из здоровенной фабричной трубы. Ну а потом испарения или газ унесло ветром, поэтому и помереть никто не успел.

Дин сказал настолько серьезно, насколько мог:

– Мы обязательно добавим ваше предположение в наш

список.

Когда официантка ушла, Грубер закрыл блокнот и положил ручку сверху.

– Никогда не слышал о промышленной утечке угарного газа. И не уверен, что готов обвинять в этом «Панджeнто» или кого-то еще.

– Что вы можете рассказать о крушении поезда? – спросил его Сэм.

Дин снова впился зубами в восхитительный бургер, с сожалением отметив, что тот успел остыть. Сэм справился с половиной своего сэндвича, пока Мэри рассказывала о происшествии. Если разговаривать будет Грубер, можно будет спокойно поесть, время от времени кивая.

Грубер откинулся на спинку дивана, сложил руки на блокноте.

– Для шефа это больная мозоль. Он не успокоится, пока из озера не вытащат вагоны. И что бы ни случилось, всему причиной будет крушение поезда. И неважно, инфляция это, застой, плохая погода или даже проигрыш школьной футбольной команды. Объяснение одно: чертов поезд сошел с рельсов. – Он вздохнул, покачал головой и съел несколько ломтиков картошки. – Я разговаривал со следователями, когда все это случилось. Винилхлорид может вызвать раздражение глаз и горла, головные боли, одышку и головокружение, большая его концентрация приводит к потере сознания. При очень высокой концентрации можно и умереть. Еще это из-

вестный канцероген. Но зона поражения винилхоридом была ограничена. Мы эвакуировали жителей из окрестных домов, закрыли ближайшую школу. Сделали все, что полагается. – Он бросил в рот еще ломтик картошки. – Не отрицаю, кое-кому из пострадавших грозят проблемы со здоровьем, а гражданским искам в ближайшие несколько лет конца не будет видно, но, думаю, тут шеф ошибается. Что бы из этих вагонов ни просочилось, оно уже давно рассеялось.

– Думаете, дело не в винилхлориде?

– Простите, – отозвался Грубер с полным ртом. – Прозвучало более зловеще, чем я намеревался. Похоже, я заговорил совсем как шеф.

– Наверное, это заразно, – сказал Дин.

– Возможно, – рассмеялся Грубер.

Дин покачал головой.

– Я бы выпил пива.

– Прости, солнышко, – Мэри подошла к их столику. – Спиртное не подаем.

– Неважно, – отмахнулся Дин. – Я ведь на службе.

– Принести еще что-нибудь?

– Не стоит, – сказал Сэм.

– Ну ладно, – она широко улыбнулась. – Если передумаете, позовите меня.

– Обязательно, – пообещал Сэм и, как только Мэри ушла, обратился к Груберу. – Значит, крушение поезда вычеркиваем?

– Думаю, да.

– Постойте-ка, – Дин на миг уступил своему внутреннему стороннику теорий заговора. – У любого лекарства есть длинный список побочных эффектов, и они еще хуже того, что ты пытаешься вылечить. Так что винилхлорид…

– Это химикат, а не лекарство, – уточнил Сэм.

Дин поднял ладони, изображая чаши весов, находящиеся в равновесии:

– Химикат, лекарство – какая разница?

– Я наводил справки, – сказал Грубер. – Винилхлорид используют при изготовлении полихлорвинила, упаковочных материалов, пластмасс. Вещество ядовитое, но довольно распространенное.

Сэм покосился на брата, пытаясь угадать, не собирается ли тот начать спор. Но Дин пожал плечами, и тогда Сэм спросил Грубера:

– Значит, блэкаут не повторялся?

– Нет. Это произошло только один раз, – подтвердил Грубер. – Странное у меня вышло возвращение домой. Но вообще-то, я хотел поговорить о той чертовщине, которая у нас творится с тех пор.

– О не очень малолетних правонарушителях? – уточнил Дин.

– Вот именно. Если взять каждый случай по отдельности, вроде бы обычное мелкое хулиганство. Но я никак не могу понять, почему все это совершают *такие* люди.

– Банкиры, юристы, бухгалтеры… – проговорил Дин.

– Вот именно! – подхватил Грубер. – Я в полиции уже довольно давно и закономерности вижу сразу. Существуют определенные категории преступников, типовые ситуации… Большая часть задержанных раньше ничего противозаконного не совершала. И помимо вандализма, есть случаи странного поведения…

– Например? – поинтересовался Сэм.

– Утром один пешеход ударил другого за то, что тот с ним поздоровался.

– До или после того, как выпил кофе? – спросил Дин.

Грубер неодобрительно покосился на него и продолжил:

– А еще девушка без явных признаков депрессии или психических заболеваний попыталась совершить самоубийство по пути на работу.

– Чему тут удивляться? – мрачно заметил Сэм.

– Она перелезла через ограду эстакады и спрыгнула на дорогу.

– Выжила?

Грубер кивнул.

– Сломала ноги, руку и несколько ребер. Собираюсь поговорить с ней, когда она придет в себя. Это ведь странно?

– Вообще-то, да.

– Но я сомневаюсь, что вытяну из нее что-нибудь, – добавил Грубер.

– Из-за потери памяти? – спросил Сэм, жуя картошку.

– Да! Сначала я думал, что это отговорки – «Не знаю, что случилось», «Понятия не имею, почему я так поступил», «Ничего подобного в жизни не делал, не знаю, что на меня нашло». Но так говорят буквально все! Никто ничего не помнит…

– Ты сомневаешься, что это правда? – Дин с грустью констатировал, что чизбургер съеден и осталось только немного картошки. Наверное, стоит поинтересоваться, хорошие ли здесь пироги. – Думаешь, врут?

– Не врут, – сказал Грубер. – Скорее недоговаривают.

– Что именно? – спросил Сэм.

– Я же коп. Если вижу, что человек ведет себя странно, сразу подозреваю, что дело в наркотиках. Как знать – может, все они подсели на новую синтетическую дурь, от которой моментально слетаешь с катушек, а вместо галлюцинаций наступает временная потеря памяти.

– Звучит правдоподобно, – заметил Сэм.

Заскучав от перспективы подчищать грязь за УБН[6] – тем более что заниматься этим он не собирался, – Дин подозвал Мэри. Если уж придется бросить дело, вернуться в бункер и ждать звонка от британцев, не помешает закончить визит в Мойер куском пирога.

– Но с этой теорией тоже не все гладко, – признался Грубер. – Если бы новый наркотик был настолько распространен в городе, я бы о нем уже знал.

---

[6] Управление по борьбе с наркотиками.

– А ты ничего не слышал?

– Ни слова, – сказал Грубер. – Так что я просто хватаюсь за соломинку.

Внезапно Дину в голову пришла идея.

– А эти вандалы и хулиганы… все были жертвами блэкаута?

– Ну да, они все местные.

Мэри подошла к столику. Дин решил обойтись без экспериментов и заказал кусок обычного яблочного пирога. Мэри пообещала, что вернется буквально через секунду, а Дин сказал, что ловит ее на слове.

Сэм обратился к Груберу:

– Полагаю, агент Тенч хотел узнать, бодрствовали ли они в то время, когда все потеряли сознание.

Грубер задумался. Дин представил, как он мысленно листает в голове список правонарушителей и сравнивает со списком пострадавших во время блэкаута.

– Надо свериться с документами, но думаю, что эти люди, скорее всего, спали. Многие работают с утра до вечера, так что вряд ли они бодрствовали в полночь. Ну или в городе эпидемия бессонницы, а я не в курсе.

– Еще что-нибудь необычное случалось?

– У нас, по-моему, и так забот хватает, – отозвался Грубер.

Мэри вернулась с пирогом и принесла Дину чистую вилку.

– Приятного аппетита!

– Ну, хоть у него полно не забот, а пирога, – пошутил Гру-

бер, указывая на тарелку Дина.

– Для вас тоже найдется, – заметила Мэри.

– Я наелся, – сказал Сэм.

– Я тоже сыт, спасибо, – Грубер похлопал себя по животу.

– Много теряете, – с набитым ртом заметил Дин и помахал официантке вилкой: – Чертовски хороший пирог.

Сэм откинулся на спинку диванчика.

– Итак – массовая потеря сознания, а сразу за ней – странные выходки, между которыми нет очевидной связи.

Грубер кивнул.

– Хотя, возможно, связь есть, – продолжал Сэм, – просто мы ее не видим.

– А если нет?

– В любом случае кажется, что весь город спятил. – Дин положил вилку на пустую тарелку.

Глава 5

Словно подтверждая его слова, немолодой бизнесмен, сидевший напротив женщины в брючном костюме, грохнул кулаками по столу и заорал:

– Бла-бла-бла!

Женщина уставилась на него так, будто на его лице вырос второй нос.

– Фред, что…

Дин сидел в углу и не видел лица мужчины. Зато он видел, как тот схватил вилку и зажал в кулаке, как будто собирался колоть лед. Дин начал вставать, уже зная, что не успеет. Мужчина замахнулся и нанес вилкой удар такой силы, что пробил руку женщины.

Пронзительно вскрикнув, женщина прижала руку к груди. На ее блузке расплывалось кровавое пятно. Фред выскочил из кабинки, помчался к стойке и попытался вспрыгнуть на нее, но он явно переоценивал свои возможности. Тогда он плюхнулся животом на стойку и влез на нее, суча ногами так, будто на полу кафе извивались ядовитые змеи.

Дин бросился к нему, Грубер – следом за ним. Они не успели остановить женщину, и та выдернула вилку из руки и отбросила ее в сторону. Брызнула кровь.

Подоспевший Сэм начал успокаивать женщину и крикнул официантке:

– Мэри! Принесите чистое полотенце!

Посетители, сидевшие в кабинках и на табуретах, бросились врассыпную, оставив на столах недоеденную пищу и неоплаченные счета. Фред пробежал из конца в конец стойки, наступая на тарелки с едой, потом развернулся и помчался обратно, расшвыривая пустые тарелки, стаканы и кофейные кружки, пыхтя и отдуваясь. Его лицо покраснело, глаза стали бешеными, он крутился и вертелся, будто отплясывал тарантеллу.

Дину, бежавшему за Фредом вдоль стойки, приходилось пригибаться и уворачиваться от тарелок, блюдец и кружек, которые летели во все стороны. Он сделал резкое движение рукой и едва не схватил Фреда за лодыжку. Грубер рядом негромко вскрикнул – суповая миска задела его по уху.

– Фред, прекратите! – крикнул он. – Немедленно!

У входной двери столешница заканчивалась. Фреду придется спрыгнуть вниз или повернуть назад. Лампы над головой мерцали, отбрасывая неожиданные тени, будто в сети начались скачки напряжения.

Внезапно Фред закатил глаза и пошатнулся. Перевалившись через край стойки, он рухнул на пол и начал стонать и корчиться от боли. Дин опустился на колени рядом с ним, пытаясь разглядеть в мерцающем свете что-нибудь необычное. Лампы негромко зажужжали и снова начали светить ровно. Фред теперь выглядел как обычный бизнесмен средних лет, который неудачно упал. Вот только края его штанин и туфли были покрыты жиром и облеплены кусочками еды, и пахло от него крепким кофе. Застонав, он схватился за локоть.

– Что случилось? Мне больно!

Грубер вызвал по рации «скорую». Затем опустился на колени рядом с Фредом и произнес:

– Вы арестованы за нанесение телесных повреждений.

Когда он завел руку Фреда назад, чтобы надеть наручники, тот вскрикнул от боли и, морщась, спросил:

– О чем… вы говорите?

– Вы ударили женщину вилкой, – сказал Грубер, застегивая наручники. – Так что это – всего лишь расплата.

– Что?.. Кого я ударил?!

– Дайте угадаю, – сказал Дин. – Вы ничего не помните.

– Я… я обедал, – продолжал Фред. – У меня началась

небольшая изжога, и я…

– Что?

– Очнулся здесь, на полу. Меня кто-то толкнул? – спросил Фред. – Это я пострадавший! Я ранен!..

Услышав ритмичный стук за спиной, Дин повернулся, ища источник звука. Поднявшись на ноги, он увидел, что какой-то мужчина бьется головой в толстое оконное стекло у входа в закусочную.

– Эй! – окликнул его Дин, но мужчина не услышал.

Грубер начал поднимать Фреда на ноги, а Дин побежал к двери, жестами пытаясь привлечь внимание мужчины, который продолжал биться лбом о стекло. После очередного удара кожа на лбу мужчины лопнула, и по стеклу потекла кровь, но это его не остановило.

От следующего удара стекло треснуло.

Отброшенный назад инерцией, мужчина снова качнулся вперед. Опасаясь, что он вот-вот пробьет стекло насквозь и, возможно, перережет себе горло, Дин выскочил наружу, обогнул уличное меню и бросился на мужчину. Обхватив мужчину руками, он толкнул его в сторону, подальше от стекла. Оба упали. Мужчина ударился плечом и спиной о тротуар, Дин откатился в сторону и на мгновение отключился.

Очнувшись, он сел на корточки и осмотрел окровавленный лоб пострадавшего. Кожа была изорвана в клочья, но, к счастью, кость видно не было. Тем не менее у пострадавшего могла быть трещина в черепе и сотрясение мозга, ему сроч-

но требовалась медицинская помощь.

– Посиди-ка тут, – Грубер подтолкнул Фреда к патрульной машине и бесцеремонно запихнул на заднее сиденье. – «Скорая» будет здесь с минуты на минуту.

Человек с окровавленным лбом застонал и попытался прижать ладонь к ране. Выругавшись от боли, он отдернул руку, и снова коснулся раны дрожащими пальцами.

– Чувак, о чем ты только думал? – спросил у него Дин, качая головой.

– Я не… Что произошло?

«Опять…» – подумал Дин, а вслух уточнил: – Ты не помнишь?

– Нет, я… остановился около закусочной… – Мужчина пытался вспомнить, что произошло до того, как он начал биться головой в стекло. – Начал читать меню… на вот этой доске… а потом я… я…

– Что?

– Потом слова стали будто ускользать от меня…

– Перед глазами все поплыло?

– Нет… Слова будто превратились в кучу перепутанных символов, и я не мог разобрать их смысл. Но это длилось всего пару секунд, а потом я…

– Да? – подбодрил его Дин, радуясь, что этот человек хоть что-то помнил.

– Даже не знаю, как объяснить, – проговорил мужчина. – Такое ощущение, что меню стало отдаляться от меня или я

от него. Как будто я смотрел в бинокль с другого конца. А потом стало совершенно темно, и я больше ничего не видел и не слышал. – Он помотал головой и поморщился, когда от резкого движения боль снова вспыхнула. – Это все, что я помню, а потом… очнулся на тротуаре. Я упал?

Дин кашлянул.

– С чужой помощью.

Мужчина поднял глаза и заметил кровавый отпечаток на стекле.

– Это я сделал?..

– Ага, – отозвался Дин. – Таким образом ты пытался войти в кафе.

– Но почему?!

– Не знаю. Может, тебе блюдо дня не понравилось.

– Не понимаю…

– Как и я, – признался Дин. – Но тебя осмотрит врач.

Сэм отвел Келли Берк в угловую кабинку у кассы, подальше от стола, где она сидела с Фредом Харрисом до того, как тот взбесился. Сдвинув тарелки и стаканы в сторону, Сэм обернул раненую руку Келли чистым кухонным полотенцем и попросил ее свободной рукой прижать ткань плотнее к ране. На пластиковой столешнице между ними, словно пресловутый дымящийся пистолет, лежала окровавленная вилка зубцами вверх. Капля крови медленно скатилась по изогнутому зубцу и упала в лужицу. Сэм накрыл вилку салфеткой, чтобы Келли не приходилось смотреть на нее.

Большинство посетителей покинули закусочную. Но самые стойкие – или голодные – вернулись, чтобы закончить обед. Они посматривали на Келли и Сэма, будто опасались, что и Сэм может взбеситься и выпустить на свободу внутреннего мистера Хайда.

Келли не отрываясь смотрела на вилку, накрытую салфеткой, и качала головой.

– Не понимаю, – хрипло проговорила она. – Зачем Фред это сделал?

Она подняла замотанную руку и вздрогнула, заметив кровь, просочившуюся сквозь ткань, сложенную в несколько слоев.

– Продолжайте прижимать, – напомнил Сэм и бросил взгляд в сторону кухни, где Мэри искала аптечку.

Видимо, Пит – повар, который работал во время блэкаута, – потратил большую часть бинтов на свои обожженные руки, но официантка надеялась что-нибудь найти. Оставалось только узнать, куда Пит сунул аптечку. Келли потеряла много крови, но Сэм надеялся, что хороший хирург ей поможет. А пока помощь не подоспела, он не хотел, чтобы Келли думала о том, что все может кончиться плохо.

– Вы с Фредом хорошо знакомы?

– Нет, не очень, – отозвалась Келли. – Видела его всего пару раз.

– Вы встречались?

– Нет! – возразила она. – Только по работе. Я офис-мене-

джер в «Отопительных и охлаждающих системах Хольцворта». Мы договорились с компанией Фреда о поставках канцелярских принадлежностей. Все, конечно, можно купить в интернете, но иногда мы не можем ждать целый день, а то и больше. А Фред местный, он через пару часов привозит все необходимое. У них неплохие цены, а еще не нужно покупать сразу много, так что мне хлопот меньше. Он пригласил меня на обед, чтобы отпраздновать выигрыш тендера. Хотя в этом случае все в выигрыше. Я предложила взять расходы на себя, но он настоял, что все оплатит.

– Как вы думаете, он ожидал, что это будет нечто большее, чем обычный деловой обед?

Келли покачала головой.

– Наша компания рассматривала несколько предложений, а он предложил самую низкую цену. Так что тут никаких личных предпочтений. И потом, это же всего лишь обед в закусочной, а не ужин или вечеринка с коктейлями.

– Но и не просто кофе.

– Погодите… Намекаете, что я решила его соблазнить? – спросила она. – Я замужем, он женат, и наше общение было сугубо деловым, даже скучным. Мы говорили о скрепках и картриджах для принтера.

– Хорошо, – сказал Сэм. – Значит, вы не знаете, почему он мог сорваться?

– Нет, – отрезала Келли. – Все было хорошо… а потом…

– Никакого повода? Никаких причин для гнева?

– Его реакция была… какой-то детской, – проговорила она. – Понимаете, до того, как все это случилось, в основном говорил он. Спрашивал, сколько и каких товаров у нас осталось, когда лучше зайти и все проверить, не позвонить ли сперва… Он казался полным энтузиазма и желания приступить к работе. И вдруг как завопит: «Бла-бла-бла!» Кто вообще так делает?

– Что еще изменилось в этот момент?

– Обычно Фред разговаривает очень быстро, – сказала Келли. – Канцелярские товары – не самая увлекательная тема. Поэтому он говорит быстро, чтобы клиенты не успели заскучать. Наверное, это хорошая стратегия.

Сэм кивнул.

– Но тут его глаза словно остекленели.

– Как будто он сам себе надоел?

– Именно, – согласилась она. – Я в основном кивала, время от времени высказывала предположения о том, сколько тонера или бумаги мы можем израсходовать за месяц. Мы об этом и раньше говорили, и, возможно, он хотел получить подтверждение, ну и так далее. В общем, он ел, а в промежутках трещал как сорока, и вдруг замолчал. На секунду мне показалось, что он подавился, но, видимо, он просто потерял ход мыслей. Замолчал на полуслове и огляделся. Мне стало неловко за него, и я напомнила, о чем он говорил, прежде чем… сбился. И вот тут он стал совсем другим.

– Каким?

– Энтузиазм по поводу нового контракта испарился. – Она подняла здоровую руку и щелкнула пальцами. – Я спросила: «Фред, ты в порядке?»

– И тогда он закричал?

Она кивнула.

– У меня мелькнула мысль, что я его чем-то обидела, но, прежде чем я успела спросить, он схватил вилку и… – она зажмурилась, настигнутая ужасным воспоминанием, и тихо добавила, опустив взгляд на кухонное полотенце, покрытое красными пятнами: – Остальное вы знаете.

– Значит, повода не было, – Сэм скорее утверждал, чем спрашивал.

Прежде чем проводить Келли в угловую кабинку, он остановился возле стола, за которым Фред напал на нее, и принюхался, пытаясь уловить запах серы, однако ничего не обнаружил.

Келли снова кивнула.

– Как я уже сказала, я не очень хорошо его знаю. Может быть, он страдает каким-нибудь психическим заболеванием и перестал принимать лекарства. Но он предоставил нам рекомендации, мы общались с другими его клиентами, и никто не сказал о нем ни одного плохого слова.

Мэри вышла из кухни, держа в руках небольшую пластиковую коробку, белую с красным крестом на крышке. Подойдя к кабинке, она нахмурилась.

– Очень жаль, Пит и правда почти все выгреб. Остались

только два небольших бинта, немного марли и антибактериальная мазь. Но придется потрудиться, чтобы выдавить из тюбика хоть что-то.

– Спасибо, – сказал Сэм, забирая у нее аптечку. – Нам хватит.

К счастью, в этот момент послышалась сирена приближающейся «скорой помощи».

Глава 6

Офицер Грубер стоял рядом с Сэмом и Дином, пока врачи хлопотали над рукой Келли Берк, заменяя кухонное полотенце нормальными бинтами и антибиотиками. Она нерешительно спросила, сможет ли пользоваться рукой, или ей нанесен непоправимый ущерб, но Виктор, старший из медиков, ответил:

– Пока не могу ничего утверждать. Мы отвезем вас в окружную больницу, там скажут, насколько ваша рана серьезна.

– Я могу сама доехать, – неуверенно возразила Келли.

– Не советую, мэм, – заметила Шарлин, еще один врач. – Состояние вашей руки может ухудшиться.

– Конечно, вы правы, – кивнула Келли. – Нужно позвонить мужу, сообщить ему… Даже не знаю, с чего начать.

Виктор помог ей забраться в машину. Она села рядом с каталкой, на которой лежал Тим Пауэлл, мужчина с окровавленной головой. Он тихо постанывал, не открывая глаз.

Когда Шарлин закрыла двери, Виктор подошел к Сэму, Дину и Груберу.

– Повезло, что их всего двое, – он бросил взгляд на заднее сиденье патрульной машины. – Ему тоже стоит показать врачу свой локоть.

– Ты его уже осмотрел, – возразил Грубер. – И сказал, что это просто ушиб.

– Но я же не хирург. Если появится опухоль или боль усилится…

– Виктор, я тебя понял, – перебил Грубер.

– Том, я серьезно.

– Я тоже. После того, что он натворил, будет справедливо, если он отправится в конец очереди.

«Скорая» уехала. Грубер повернулся к Сэму:

– Узнал что-нибудь новое от этой женщины?

Сэм покачал головой.

– Все произошло внезапно, – ответил он. – Он просто разговаривал, болтал о работе, а в следующую секунду взбесился.

– И ничего не помнит. Как и все остальные, – сказал Дин.

Грубер посмотрел на Фреда Харриса. Тот сидел в машине,

нахохлившись и повесив голову, уставившись на свои туфли. На его лице было отчаяние.

– Наверное, один из этой торговой палаты, – заметил Грубер. – Не удивлюсь, если окажется, что вообще-то он поет в церковном хоре.

– Пауэлл, тот, что бился головой в стекло, не помнил, как он это делал, – сказал Дин. – Но кое-что он все же вспомнил. Не знаю только, поможет ли нам это.

И он рассказал, как Пауэллу внезапно стало трудно читать меню на доске у входа и как потом он провалился в темноту.

– Внутрь он так и не зашел, – сказал Сэм. – Поэтому дело явно не в том, что он выпил слишком много кофе.

– Шутки шутками, – заметил Грубер, – но, если исключить еду, воду, утечку химикатов и токсичных газов, похоже мы снова возвращаемся к моей теории о новом синтетическом наркотике.

– Хотя ты о нем ничего не слышал? – уточнил Сэм.

– Да, – вздохнул Грубер. – Но я ведь не всевидящий оракул. Погодите-ка! А что, если дело вот в чем… Визуальный триггер! Что-то вроде рекламы, которая действует на подсознание. Когда-то все о таком говорили…

– Как слово «секс», спрятанное в кубиках льда в рекламе водки? – спросил Дин.

– Ну да, – согласился Грубер. – Что, если вместо секса этот триггер вызывает жажду насилия?

– Звучит правдоподобнее, чем утечка угарного газа, – со-

гласился Сэм, но Дин понимал, что и этот вариант ему не кажется убедительным.

Грубер задумчиво поскреб подбородок.

– Правда, моя теория не объясняет, почему все отключились ровно в полночь. Как они могли увидеть одно и то же изображение в одно и то же время?

– Думаешь, блэкаут стал причиной всплеска агрессии? – спросил Сэм.

– Я знаю свой город достаточно хорошо, чтобы заметить, что все это началось именно после той ночи, – проговорил Грубер. – Ночью весь город падает в обморок, а на следующий день люди начинают странно себя вести. – Он посмотрел на Дина. – Может, блэкаут вызван и не наркотиком, но «побочные эффекты», как выразился агент Тенч, определенно есть.

Дин кивнул:

– С этим не поспоришь.

Грубер сел за руль патрульной машины и повез Фреда в отделение. Как только он выехал со стоянки, по подъездной дороге проскрежетал красный пикап, покрытый пятнами грунтовки, и занял освободившееся место. Выглядел он так, будто проехал полмиллиона километров.

– О, вы все еще здесь? Отлично, – Мэри выглянула из закусочной и подошла к ним. – Я звонила Питу узнать, куда он, черт побери, подевал аптечку, и сказала, что тут люди из ФБР – расспрашивают о том, что у нас произошло. Он ска-

зал, что приедет.

Из пикапа выбрался грузный смуглый мужчина с густыми волнистыми черными волосами. Он был одет в джинсы и серую толстовку, рукава были закатаны, а руки забинтованы от запястий до локтей.

– Пит, – обратилась к нему Мэри, – это специальные агенты…

– Тенч и Блэр, – отозвался Дин, даже не подумав показать удостоверение.

– Пит Пападакис, – представился мужчина, пожимая им руки. – Безумная выдалась ночка, а? Не в хорошем смысле, – он захохотал. – Чем я могу вам помочь?

– Что вы помните? – спросил Сэм.

– Жутко хотелось курить.

– Простите?

Пит снова расхохотался.

– Ну да. Это последнее, что я помню перед тем, как погас свет. – Он постучал кулаком по голове: – Вот здесь. Мэри при этом тоже была. Народу в закусочной было много, в основном завсегдатаи. Я старался выполнить все заказы, но думал только о том, как бы выскочить покурить. – Он прислонился к пикапу. – Я чистил гриль. Во фритюрнице жарились луковые колечки, но я решил, что успею на секундочку выскочить. А потом – бум! – тут он хлопнул в ладони.

– Что – бум? – уточнил Дин. – Что-то взорвалось?

– Нет, стало темно, – ответил повар. – Как будто кто-

то щелкнул выключателем у меня в мозгу. *Спокойной ночи, Пит!* Конечно, никто таких слов не говорил, но все произошло совершенно неожиданно. Все равно что уснуть, едва коснувшись головой подушки. Но я упал вперед на гриль. В какой-то момент я едва не проснулся. Боль от ожога чувствуешь сразу. Быстрее, чем засыпаешь. Но меня тянуло в сон с такой силой, что я не мог сопротивляться. Повезло, что я упал на спину, иначе все было бы гораздо серьезнее. А так, можно сказать, легко отделался. Ожоги первой степени, не так уж плохо. Ну, и ближе к локтям – вторая.

– Вы заметили или услышали что-нибудь необычное, прежде чем потерять сознание?

Пит поднял бровь.

– Если не считать запаха моей горелой шкуры?

– Да, – кивнул Дин. – Если не считать этого.

Пит немного подумал.

– Ничего такого. Курить хотелось. Я почти наяву ощущал запах и вкус табака. А больше ничего необычного. Конечно, не упади я на пол… – он бросил взгляд на забинтованные руки. – Могло быть и хуже, да?

– Конечно, – ответил Сэм.

– Куча народу пострадала. У всех в основном синяки и шишки, – Пит посмотрел на Мэри. – Слышал, что Нелли Квик недосчиталась нескольких зубов спереди.

– О нет! – воскликнула Мэри. – Теперь вспомнила, что видела кровь у нее на лице. Думала, она губу прикусила.

– Теперь она похожа на хоккеиста, – рассмеялся Пит. – Может играть за «Блюз»[7].

Мэри тоже засмеялась, но тут же смутилась.

– Простите… Пит, это ужасно! – Она огляделась, чтобы убедиться, что их никто не слышал. – Эта женщина очень заботится о своей внешности.

Пит снова обратился к Винчестерам:

– Так что, у вас есть какая-нибудь теория? Террористы? НЛО?

– Мы рассматриваем разные варианты, – уклончиво ответил Сэм.

Пока они шли к «Импале», Дин слышал, как Мэри и Пит продолжают разговор.

– Сегодня за завтраком Клайд Барксдейл сказал, что у него в бомбоубежище есть все, что нужно. На любой случай. Он уверен, что скоро конец света, – сказала Мэри.

– Если и так, – заметил Пит, – чем ему поможет чертово бомбоубежище?

Мэри рассмеялась:

– Попробуй его переубедить!

Выезжая со стоянки, Дин бросил взгляд в зеркало и увидел, что Мэри направилась обратно в закусочную, а Пит заводит свой побитый пикап. Из проржавевшей выхлопной трубы вырвалось облако дыма. Дин задумался: уж не стара-

---

[7] «Сент-Луис Блюз» – команда по хоккею с шайбой из города Сент-Луис, штат Миссури, США.

ниями ли этих двоих распространяются городские сплетни? Пит подъехал к закусочной за несколько часов до начала рабочей смены, чтобы рассказать то немногое, что ему было известно о полуночном происшествии, причем говорил так, будто пересказывал забавный случай на рыбалке. Он был обычным сплетником, и разговор с ним не приблизил их к пониманию причины массовой потери сознания и необычного поведения.

– Какие у нас варианты? – спросил Дин.

– Ну, террористов, НЛО и утечку угарного газа можно вычеркивать, – отозвался Сэм. – Но возможных причин по-прежнему множество: одержимость демонами; одержимость ангелами; люди с паранормальными способностями; ведьмы…

Дин зацепился за последнее предположение:

– Ведьмы… Ведьмовские мешочки[8]… А что, если те, кто получил травмы, пострадали не случайно? Что, если кто-то в Мойере составил список врагов и с помощью колдовства заставляет их творить всякую дичь?

– Но как объяснить, что сначала всех вырубило в полночь?

– Н-да… – протянул Дин. – Не знаю даже, как все это связать. А вдруг никакой связи нет?

– Даже не знаю, Дин, – засомневался Сэм. – Теория Гру-

---

[8] Ведьмовской мешочек – травы, кости, камни и проч., завернутые в кусок ткани или кожи и перевязанные веревкой. С помощью такого мешочка ведьма может насылать проклятия и, наоборот, защищать, создавать иллюзии, подслушивать разговоры и многое другое.

бера звучит разумно.

– Возможно, это совпадение.

– И что ты предлагаешь?

– Давай исключим демонов, – решил Дин. – Некоторые происшествия – например, мелкое хулиганство – вообще на них не похоже.

– Кстати, я искал в закусочной следы серы.

– Ну и как?

– Ни намека на запах.

– Вот видишь, – сказал Дин. – И на одержимость ангелами это тоже не похоже.

– Но тогда отпадает и вариант со списком жертв, которых заставили совершать безумные поступки, – возразил Сэм. – Слишком уж тут все разное – и то, что наносит вред репутации, и жестокие нападения, и попытки самоубийства.

– В каком списке могут быть такие разные запросы? – спросил Дин.

Сэм немного подумал, перебирая возможные ответы.

– Может, такой список не у одного человека?

– Хочешь сказать, их несколько?

– Возможно, мы имеем дело с целым ковеном. Или с группой паранормальных существ, действующих сообща, – перебирал варианты Сэм. – И у каждого *свой* список.

– И что это, по-твоему? Клуб мстителей?

– Дымовая завеса, – проговорил Сэм.

– Я думал, версию с ядовитыми газами мы отмели.

– Очень смешно, – проговорил Сэм. – Но мы сейчас не о потере сознания говорим. Давай пока о ней забудем. Сосредоточимся на дурацких выходках и серьезных нападениях. Вдруг у кого-то есть список с именами жертв, но если этот кто-то нацелится только на них, его сразу раскроют?

– И поэтому часть жертв – случайные люди?..

– Вот именно.

Дин задумался.

– Большая получается завеса.

– Она нужна, чтобы скрыть истинные цели.

– Как снайпер, который стреляет во всех подряд, чтобы никто не догадался, в кого он целился на самом деле.

– Вроде того, – кивнул Сэм. – Только наш снайпер использует не пули.

– Так что, будем искать ведьмовские мешочки?

– Или поговорим с пострадавшими. Попытаемся выяснить, кто мог внести их в список.

– С кем именно из пострадавших?

– Ты сам сказал, что не стоит отвлекаться на дымовую завесу, – отозвался Сэм. – Так что нам нужны те, кто пострадал серьезно.

– Келли Берк, например?

– Возможно. Но я не спрашивал ее о том, есть ли у нее враги, ведь она обедала с человеком, который на нее напал. Нет, нужно ловить рыбу покрупнее.

– Ты имеешь в виду…

Сэм кивнул.

– Окружная больница, – проговорил он. – Надо только узнать имя…

Пострадавшую звали Нэнси Викерс. Ей было двадцать четыре года, она работала графическим дизайнером в компании «Торнбери Принтинг», которую почти полвека назад создал ее двоюродный дед. Сейчас, в эпоху интернета, компания с трудом справлялась с конкуренцией, особенно после появления множества онлайн-инструментов, с помощью которых кто угодно может сляпать некое подобие дизайна.

– В таких работах не видно никакого мастерства, все выглядит одинаковым, пресным. Понимаете, о чем я? – Она пожала плечами и поморщилась от боли. – Вот что бывает, когда начинаешь тупо нарезать тесто формочками для печенья.

Она вздохнула, переложила поудобнее руку в гипсе и поморщилась, задев ребра.

– Дела у нас идут не очень хорошо, но это не новость. И не повод, чтобы покончить с собой. Я бы никогда такого не сделала!

– Мы поняли, – успокоил ее Сэм. – Может, расскажете с самого начала?

Дин и Сэм поднялись по лестнице, представились дежурной и попросили разрешения поговорить с Нэнси. Старшая медсестра Бет – так было написано на ее бейдже, – очень удивилась. Она стояла за полукруглой стойкой на сестрин-

ском посту, держа в левой руке телефонную трубку, а правую занеся над клавиатурой.

– Как вы узнали? – спросила она. – Я даже не закончила набирать номер офицера Грубера.

– Узнали что? – спросил Сэм.

– Что мисс Викерс очнулась.

– А мы и не знали, – ответил Дин. – Так что, можно ее увидеть?

– Она всего полчаса как в сознании.

– Мы недолго, – проговорил Сэм. – Обещаю.

– И она должна пройти психиатрическую экспертизу перед выпиской.

– Понятно, – кивнул Сэм.

– Но я все равно звоню Груберу!

– Хорошо, – невозмутимо ответил Дин. – Он знает, что мы здесь.

* * *

Нэнси несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, и снова заговорила:

– Ладно, я готова. Только рассказывать особо нечего.

– Вы не помните, что с вами произошло? – спросил Сэм.

Девушка посмотрела на него, перевела взгляд на Дина, потом обратно.

– Откуда… откуда вы знаете?

– Вы не одна такая, – ответил Дин.

– Не понимаю.

– Расскажите все, что помните, – попросил Сэм.

– Что ж… Утром я ехала на работу, все было как обычно, – начала она. – Ехать недолго, хоть я и живу на другом конце города. Иногда останавливаюсь выпить кофе на заправке. Мне больше нравится бистро «Бигелоу», но оно не совсем по дороге, да и ждать там дольше. В общем, говорю же, все было как всегда. Дорога мне прекрасно известна. И знаете, как бывает, если все время ездишь по одному и тому же маршруту? Ты чуть-чуть отключаешься, и мозг работает на автопилоте.

Дин кивнул. Он не мог похвастаться, что регулярно ездит на работу, но провел за рулем достаточно времени и понимал, что Нэнси имеет в виду. Нечто подобное происходило и с ним, когда приходилось долго ехать по ровной открытой местности.

Нэнси потянулась за пультом, чтобы поднять верхнюю часть кровати повыше, потом попыталась подвинуться и вскрикнула, неловко повернувшись. Она прикусила пальцы, пережидая вспышку боли.

– Как вы? – спросил Сэм.

– Не могу пошевелиться, – сказала Нэнси. – Даже дышать больно, но со мной все будет в порядке… потом. Кроме того, боль помогает сосредоточиться.

– Правда?

– Да… нет… Вообще-то, нет, – призналась она. – Зато я жива.

– Итак, вы ехали на работу и глубоко задумались, – подсказал Дин.

– Да, – встрепенулась Нэнси. – Я была как в тумане. Потом пустота… И вдруг оказалось, что я падаю, – Она нахмурилась и помотала головой. – Нет, не так.

– В каком смысле? – спросил Сэм.

– Я вспомнила… вспомнила, что случилось потом!

Глава 7

– Отлично, – оживился Сэм. – Что вы можете нам рассказать?

– Я помню, что вдруг посмотрела вперед и осознала, что понятия не имею, где нахожусь. Все казалось незнакомым. Я убрала ногу с педали газа и попыталась сообразить, где я, найти какой-нибудь ориентир… – Нэнси сосредоточенно вспоминала. – Но вообще-то мне было не очень интересно, и как будто все равно. А потом…

– Что? – спросил Сэм. – Что потом случилось?

– Я… Я свернула на обочину, остановилась и вышла из машины…

– Зачем?

Нэнси помотала головой.

– Понятия не имею.

– Где вы находились?

– На полпути вверх на эстакаду, – отстраненно проговорила она, будто заново переживала случившееся. – Джефферсон-авеню. Должно быть, где-то между Второй и Четвертой.

– Что случилось после того, как вы вышли из машины?

– Я поднялась на эстакаду, – сказала она, будто с трудом верила сказанному. – Там есть защитная сетка, ее верхняя часть наклонена внутрь. Иногда люди цепляют к ней флаги или политические плакаты. Их видно, когда проезжаешь внизу. И нет чтобы один, всегда сразу много. Ужасно раздражает.

Кто-то постучал по дверному косяку.

Дин вздрогнул, оглянулся и увидел медсестру Бет. На ее лице читался вопрос: «У вас все в порядке?»

– Все хорошо, – сказал Сэм. – С ней тоже.

– Ноги чешутся, – Нэнси вынырнула из воспоминаний. – И рука. Гипс сводит меня с ума.

– Я посмотрю, что можно сделать, – сказала медсестра успокаивающим тоном и вышла.

Нэнси крикнула ей вслед:

– Честное слово, я не собиралась себя убивать!

С минуту она прислушивалась, но ответа не дождалась.

– Черт побери, – сказала она. – Они считают меня сумасшедшей, да? Думают, что у меня депрессия? – Нэнси вздох-

нула. – Настоящее безумие… – Она посмотрела на Сэма и Дина. – Вы же мне верите, правда?

– Мы хотим понять, что случилось на эстакаде, – сказал Сэм почти так же спокойно и размеренно, как говорила старшая медсестра.

Так было безопаснее – вдруг Нэнси все-таки пыталась покончить с собой? – хотя Дин в этом сомневался. Даже если странное поведение жителей Мойера вызвано действиями некой сверхъестественной силы, пострадавшие озадачены не меньше, чем полиция.

– Я тоже хочу понять, – сказала Нэнси. – Итак, на чем я остановилась? Ах да, я поднялась на эстакаду. Ни флагов, ни плакатов не было. Только сетка. И оживленное движение внизу. По Джефферсон все ездят очень быстро, как будто это скоростное шоссе.

– Вы забрались на сетку, – подсказал Дин, пытаясь вернуть разговор в нужное русло.

– Наверное, – тихо отозвалась Нэнси.

– Вы не помните? – разочарованно спросил Сэм.

– Я… Трудно объяснить. – Ее взгляд снова начал стекленеть. – Я видела, как остановила машину и поднялась на эстакаду. Скинула туфли и полезла на сетку в одних носках. С трудом одолела наклонную верхнюю секцию, как ребенок на игровом комплексе. Но я наблюдала за собой изнутри.

– Попытайтесь описать так, чтобы я понял.

– У меня в голове не было мыслей, и я не могла кон-

тролировать свои… как это врачи называют… двигательные функции? Чувствовала себя отстраненной. Пассажиром в собственном теле. Я словно наблюдала. Да, – она кивнула, – правильное слово. Я наблюдала за происходящим, но не могла контролировать то, что делаю, не могла выбирать, что делать дальше. Я все видела, но не ощущала… Я ничего не чувствовала.

– Вы имеете в виду осязание?

– Нет, я говорю об эмоциях, – поправила Нэнси. – Я не контролировала свои действия, и никакого эмоциональной реакции у меня тоже не было. Когда я увидела, как мое тело перелезает через ограждение, то догадалась, что сейчас произойдет: я вот-вот упаду или спрыгну на дорогу. Но страха не было.

– Может, вам… ввели какие-то препараты? – спросил Сэм.

– В кофе подсыпали? – предложил Дин.

– Нет, – сказала она. – Я опаздывала, поэтому останавливаться и пить кофе не стала. Решила, что обойдусь бурдой, которую варит в офисе Стюарт. Но…

– Но что? – подбодрил ее Сэм.

– Мне кажется, вы правы.

– Насчет чего?

– Осязание… – сказала она. – У меня остались воспоминания… но только визуальные. Не могу вспомнить ни как прикасалась к сетке, ни запаха выхлопных газов, ни шума

уличного движения. И даже зрение… Все, что я запомнила … Это было так, словно я смотрела…

– Не в тот конец бинокля? – подсказал Дин.

Она кивнула.

– Да! Я словно оцепенела. Все казалось далеким, хотя происходило со мной, с моим телом. – Она рассеянно почесала кожу под краем гипса, доходившего до локтя. – На мгновение я зацепилась за сетку на другой стороне. У водителей было всего несколько секунд, чтобы заметить меня, а потом они въезжали под эстакаду. Я видела, как некоторые из них отчаянно махали руками, сигналили, но ничего не слышала. Кто-то свернул с полосы подо мной, кто-то затормозил, кто-то, наоборот, ускорился, чтобы проскочить, прежде чем я… А потом я спрыгнула. Без колебаний. Кажется, даже оттолкнулась от сетки. Падение длилось долю секунды. Я видела машины, несущиеся ко мне в полной тишине, удивленные, испуганные лица водителей, уверенных, что они вот-вот переедут меня, а потом… темнота.

– Вы потеряли сознание, – кивнул Сэм. – Это вполне объяснимо.

– Нет, темнота зарябила и схлынула, и реальность вернулась, как будто нанесла мне удар: вонь выхлопных газов, визг шин, рев гудков, вопли и … – Нэнси закрыла глаза и сильно вздрогнула, как будто через ее тело прошел электрический разряд, – …боль! Боже, я почувствовала, как мои кости ломаются, и этот звук… – На лбу у нее выступила испари-

на. – Мотоциклист в последний момент свернул в сторону, но за ним ехала машина. Шины взвизгнули, металлическая решетка оказалась совсем рядом… Я вскинула руку, зажмурилась, стиснула зубы… Боль взорвалась внутри, прострелила плечо и ключицу, и я почувствовала, как меня закрутило, отбросило в сторону, а потом… Это все, что я помню, пока не очнулась на мгновение, когда врачи пристегивали меня к каталке. Я была в истерике, не понимала, что происходит. И ничего не могла вспомнить. Последнее, что я помнила, – как утром вышла из дома и поехала на работу. Я подумала, что попала в аварию, а потом все исчезло. Кажется, я приходила в себя еще пару раз, но ненадолго, и окончательно очнулась примерно полчаса назад.

– Потрясающе, – сказал Сэм.

– Да, просто с ума сойти, – она криво улыбнулась. – Хотя я ставлю галочку «Психически здорова» во всех анкетах, которые меня заставляют подписывать.

– А вы говорили, что рассказывать нечего…

– Сначала так и было. Я не помнила ничего, кроме поездки и нескольких мгновений после падения.

– В самом начале разговора вы неловко повернулись, – напомнил Дин.

– Верно, – подтвердила Нэнси. – Думаю, из-за этой боли я и вспомнила то, что не могла вспомнить раньше. Возможно, я загнала воспоминания очень глубоко… Или не хотела думать, что способна на нечто подобное.

– Возможно, – задумчиво проговорил Сэм.

– Но это не значит, что у меня скрытая депрессия или что-то в этом роде, – быстро добавила она. – Я подала заявления на несколько вакансий в Джефферсон-Сити и в Колумбии. У меня запланированы собеседования… – Тут она нахмурилась, взглянув на свою руку и ноги. – Собеседования, на которые я теперь не попаду. Надо быть осторожнее, а то и в самом деле доведу себя до депрессии!

– Вы ведь можете провести собеседования по зуму, – предложил Сэм. – А если получите место, будет работать удаленно, пока не выздоровеете.

– Может быть, позже, – сказала Нэнси, с сомнением окинув взглядом свое разбитое загипсованное тело.

– Это прозвучит странно, – заговорил Сэм, прежде чем она успела погрузиться в мрачные мысли, – но у вас случайно нет врагов?

– Врагов?

– Людей, которые были бы рады, что вы пострадали, – пояснил Дин. – И даже едва не погибли.

– Может, кто-то хотел получить ту же работу, что и вы? – предположил Сэм.

– О боже, нет, – ответил Нэнси. – Найти работу непросто, но конкуренция не настолько беспощадна.

– Итак, врагов нет?

– Я рисую вывески и придумываю маркетинговые кампании, – пояснила Нэнси. – Показываю заказчикам макеты, они

их одобряют или просят внести правки. Даже если какое-нибудь из моих предложений не будет иметь успеха, сомневаюсь, что кто-то решит мне мстить.

– Проблемы в отношениях? – спросил Дин. – Ревнивые бывшие?

– Во-первых, это личное, – заметила она. – А во-вторых, ничего подобного нет. Постойте, вы спрашиваете потому, что думаете, будто кто-то накачал меня наркотиками?

– Мы изучаем все варианты, – сказал Сэм. – Личные обиды, провалившиеся сделки и все такое.

– Даже если и так, даже если бы у меня был заклятый враг, как он заставил меня спрыгнуть с эстакады?

Дин и Сэм переглянулись. Ответов у них не было.

* * *

В самом центре делового района Элис Типпин, бухгалтер на пенсии, вышла из пекарни «Сладкий город» и зашагала по западной стороне Центральной улицы. В левой руке она несла коробку мини-кексов, купленную к дню рождения племянницы, а в правой – ключи. После выхода на пенсию Элис завела привычку проходить пешком не меньше восьми километров в день, даже если у нее не было какой-то особой цели. Иногда она прогуливалась по магазинам на Центральной, хотя в основном просто разглядывала витрины. Поскольку жила Элис всего в паре километров от магазинов, машину

она оставляла дома.

Этот день ничем не отличался от других. Отчасти по привычке, отчасти благодаря информации, полученной на занятиях по женской самообороне, она держала ключи в руке, зажав один между большим и указательным пальцами. Проходя мимо парикмахерской, она повернулась к окну и покачнулась, в глазах у нее потемнело.

Элис взмахнула руками, чтобы удержать равновесие, и посмотрела на обочину. Потом свернула к машинам около парковочных автоматов и вытянула руку. Металлический коготь – ключ – торчал между ее пальцами, сжатыми так, что костяшки побелели. Проходя мимо легковых автомобилей, минивэнов и внедорожников, Элис процарапывала на их бортах линию, прерываемую только промежутками между машинами.

На перекрестке она остановилась возле урны, бросила ключи на тротуар, а потом достала из сумки коробку с кексами, открыла ее и принялась есть. Первый кекс она засунула в рот целиком, выпачкав глазурью губы и кончик носа. Таким же образом она расправилась и со вторым.

Люди, проходившие по Центральной, посматривали на нее сначала с любопытством, потом с опаской и обходили стороной. Элис уничтожила с полдесятка кексов. Вскоре ей это наскучило. Она швырнула оставшиеся кексы на землю, растоптала их и направилась к урне.

Она рылась среди упаковок от фастфуда, картонных ко-

робок, пустых банок из-под содовой и пластиковых бутылок, пока ее пальцы не сомкнулись вокруг горлышка бутылки из-под виски с красной наклейкой «Оплачено» из местного магазина спиртных напитков. В бутылке оставалось всего несколько капель, но Элис опрокинула ее над вымазанными глазурью губами и стала ждать, когда эти капли скатятся ей на язык.

Когда в бутылке ничего не осталось, Элис снова подняла ее над головой и швырнула в лобовое стекло ближайшей машины. Бутылка разлетелась вдребезги, оставив на ветровом стекле темно-синего хетчбэка вмятину в виде звезды и длинную трещину.

– Эй! – крикнул мужчина у нее за спиной. – Какого черта, дамочка!

Элис пошатнулась, внезапно осознав, что седой мужчина толкнул ее и вот-вот сделает это снова.

– Прекратите! – возмущенно воскликнула она. – Что вы себе позволяете?!

И вдруг она заметила, что по ее лицу размазана глазурь, смятая коробка с кексами валяется на земле рядом с ключами, а ее саму подташнивает.

– Что произошло?

* * *

Еще через несколько кварталов подростки носились друг

за другом, перескакивая с одной припаркованной машины на другую. Они запрыгивали на багажник автомобиля, перелетали через крышу на капот, а потом на следующую машину, словно играли в «пол – это лава». С хетчбэками и внедорожниками было сложнее. Если тому, кто убегал, не удавалось совершить прыжок или избежать падения на асфальт, игроки менялись ролями, и все начиналось сначала, но в обратном направлении. Оба заливались смехом и не обращали внимания на царапины, ссадины и ушибы.

Они успели дважды поменяться ролями и повредить около двух десятков машин, у одной треснуло лобовое стекло, у других были разбиты передние и задние фары. Наконец, кто-то из взрослых бросился между двумя автомобилями и перехватил одного из подростков в прыжке. Оба рухнули на асфальт. Еще несколько мгновений тело подростка оставалось напряженным, как доска, потом он обмяк и начал стонать от боли.

Второй парень, с уже рассеченным лбом, остановился на капоте старого универсала, хотел сбить логотип, но промахнулся, упал на асфальт и разочарованно потряс головой. Во все стороны полетели брызги крови. Затем и он словно сдулся, повалился на бок и застонал, зажимая рану на лбу.

* * *

В нескольких километрах оттуда Хэл Гринер, почти де-

сять лет проработавший почтальоном в Мойере, ехал в своем фургоне по маршруту, который знал как свои пять пальцев. Он останавливался у каждого дома на пестрых от солнечных бликов улицах и бросал в ящики письма и рекламные листовки. Если нужно было доставить посылку, он останавливал машину и подбегал к крыльцу. Развоз почты заканчивался примерно в одно и то же время – за исключением рождественских праздников, когда посылок становилось гораздо больше и приходилось останавливаться чаще.

Рабочий день начался всего полчаса назад, но рука Хэла замерла над прорезью почтового ящика Галлахеров. Он держал в руке несколько счетов, рекламный проспект и что-то вроде поздравительной открытки для Сьюзен, младшей дочери Галлахеров. У них было пятеро детей, но только одна дочь – Сьюзен.

Тень, в которой он стоял, показалась чернее, чем обычно, и мешала видеть. Хэл моргнул, пытаясь прогнать ее. Внезапно он вздрогнул. Рука судорожно сжала письма и открытку. А затем, вместо того чтобы сунуть их в ящик, Хэл подбросил их в воздух. Письма, счета и открытка, кружась, опустились на землю, словно гигантские конфетти.

Почтовый фургон ехал рывками, словно Хэл разучился водить. Машина металась по тихой улице, но не подъезжала к ящикам достаточно близко. Хэл выхватывал пачки писем из сумки на переднем сиденье, срывал перетягивавшие их резинки и швырял в окно фургона, заливаясь истерическим

хохотом и оставляя за собой зигзагообразный след из счетов, каталогов, журналов и рекламных проспектов. Через некоторое время он начал выбрасывать большие и маленькие коробки и лихо разворачивался на подъездных дорожках и газонах, чтобы раздавить каждую посылку колесами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.